

The background of the entire image is a photograph of a person standing in a cave, looking out at a bright, glowing light source. The cave walls are covered in ancient-looking paintings of animals, and the floor is rocky and uneven. The light from the opening creates a strong silhouette of the person and illuminates the cave's interior.

А. ДЖ. РИДДЛ

ГЕНОМ

Смертельная угроза

А. Дж. Риддл

Геном

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Риддл А.

Геном / А. Риддл — «Издательство АСТ», 2017 — (Смертельная угроза)

ISBN 978-5-17-114966-6

Доктор Пауль Краус посвятил свою карьеру поискам тех, кого он считал предками людей, вымершими до нашего появления. Сравнивая образцы ДНК погибших племен и своих современников, Краус обнаружил закономерность изменений. Он сам не смог расшифровать этот код до конца, но в течение многих лет хранил его секрет. Через тридцать лет появились технологии, позволяющие разгадать тайну, заложенную в геноме человека. Однако поиск фрагментов исследований Крауса оказался делом более сложным и опасным, чем кто-либо мог себе представить. Мать доктора Пейтон Шоу когда-то работала с Краусом, и ей он оставил загадочное сообщение, которое поможет найти и закончить его работу. Возможно, это станет ключом к предотвращению глобального заговора и событию, которое изменит человечество навсегда. Последний секрет, скрытый в геноме, изменит само понимание того, что значит быть человеком.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-114966-6

© Риддл А., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Несколько слов о фактах и вымысле	6
Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	60
Глава 12	67
Глава 13	69
Глава 14	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

А. Дж. Риддл

Геном

A. G. Riddle

GENOME

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

© A. G. Riddle, 2017

Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

А. Дж. Риддл родился и вырос в Северной Каролине. Десять лет он создавал и развивал различные интернет-компании. Но главной его страстью всегда была художественная литература, и ей он сейчас посвящает все свое время.

Его дебютный роман «Ген Атлантиды», первая книга в трилогии «Происхождение Тайны», был переведен на 20 языков и продан тиражом более трех миллионов экземпляров по всему миру.

Роман «Пандемия» посвящен команде исследователей, борющихся со вспышкой болезни, которая может изменить человеческую расу. История получает продолжение во второй книге.

* * *

Каждый, кто любит хороший технотриллер, оценит «Ген Атлантиды».
Serious Reading

«Ген Атлантиды», безусловно, захватывающее начало трилогии. Могу рекомендовать его всем, кто ценит быстро развивающийся научно-фантастический сюжет и немного адреналина.

Quick Book Reviews

Мифология и научная фантастика объединяются, чтобы создать захватывающий триллер, который заставит вас гадать, кто на чьей стороне, какие секреты были похоронены подо льдами Антарктиды и кто тут на самом деле «хорошие парни».

Fantasy-faction.com

Несколько слов о фактах и вымысле

«Геном» содержит в себе и факты, и вымысел. Если хотите узнать, что в романе правда, а что вымысел, после чтения зайдите на веб-сайт agriddle.com.

Благодарю за чтение.

Джерри – А. Дж. Риддл

Пролог

17 июля 1941 года

Семья Аделин уезжала из Берлина под покровом ночи. Отец сказал ей, что они едут в отпуск, но девочка чувала неладное. Родители заметно нервничали. Для отпуска мама сложила в чемоданы слишком много лишнего – милые сердцу безделушки, какие-то бумаги из сейфа.

Два дня и три ночи они не вылезали из поезда, обедали в вагоне-ресторане. После полудня родители играли в карты. Отец читал вслух любимую книгу Аделин – «Приключения Алисы в Стране чудес». Вагоны были до отказа забиты пассажирами – в основном военными и конторскими служащими. Лишь немногие везли с собой семьи. Все взрослые нервничали не меньше родителей Аделин.

Поезд то и дело обыскивали. Люди в мундирах с каменными лицами требовали предъявить документы. Мама Аделин буквально застывала, затаив дыхание, папино выражение лица было под стать проверяющим.

На каждом вокзале Франции с крыши свисал флаг со свастикой, на платформах толпились солдаты. Обыски становились все продолжительнее, расспросы – все настойчивее.

На испанской границе отец удивил Аделин, предъявив военным бумагу и заявив:

– Я производжу исследования в целях оздоровления рейха.

Офицер СС внимательно изучил документ, затем подозрительно взглянул на Аделин и ее мать.

– Тогда почему вы взяли с собой жену и ребенка?

– Жена – моя ассистентка, а дочери всего пять лет.

– Я не спрашивал, сколько ей лет, я спрашивал, почему она с вами?

– С нами она вынужденно. Ее нельзя оставить в Берлине одну, а найти няню нам не удалось.

Офицера ответ не убедил.

Отец Аделин вздохнул:

– Оберштурмфюрер, если вы желаете отвезти мою дочь обратно в Берлин и пронянчиться с ней целый месяц до моего возвращения, – милости прошу. Вы окажете мне неоценимую услугу.

У Аделин против воли выступили слезы. Девочка отвернулась, чтобы никто не заметил.

Офицер хмыкнул. Последовали громкие шлепки. Аделин поняла – в их паспорта ставили штампы.

Когда поезд снова тронулся, мать с облегчением вздохнула. Отец придвинулся к дочери, заключил ее в объятия. Касаясь губами ушей Аделин, прошептал:

– Я выдумал эту историю, чтобы избавиться от нехорошего человека. Все наше путешествие затеяно ради тебя одной, милая. Сама увидишь.

Отец постарался успокоить ее, читая «Сказки братьев Гримм», «Белоснежку», «Золушку».

В Испании поезд обыскивали уже не так часто. В конце концов, в небольшом городке Сантьяна-дель-Мар, в нескольких километрах от северного побережья, родители и девочка сошли с поезда. На городской площади они повстречались с группой мужчин, которые, по словам отца, были его помощниками. Вместе с ними они покинули город, доехали до какой-то пещеры и у входа в нее устроили привал.

Отец сказал, что пещера называется Альтамира и там хранится некое сообщение; и он, и его спутники практически из нее не вылезали, появляясь только, чтобы поесть, поспать или сходить по нужде.

Семья провела в лагере целую неделю, однажды рано утром, еще до рассвета, отец разбудил Аделин. Мать спала рядом в палатке, которую они делили на троих.

– Тихо, любовь моя, – прошептал отец.

Он провел девочку через лагерь мимо своих помощников, варящих кофе на костре. Отец освещал путь электрическим фонарем.

У входа в пещеру он остановился и пошевелил бровями.

– Готова?

Аделин в восторге закивала головой.

Однако пещера оказалась не такой, какой она ее себе представляла. Сначала проход был широким, с высоким потолком, потом вдруг резко сжался, заставляя отца низко нагибаться и подчас даже вставать на четвереньки. Коридор ветвился в неожиданных местах, как корни гигантского дерева. Однако отец шел вперед уверенно, как будто следовал отпечатавшейся в памяти карте. Аделин воображала себя Алисой, спускающейся в кроличью нору. Как если бы она вдруг стала большой, а мир вокруг съехался, тесня ее со всех сторон.

Отец остановился и посветил фонарем на стену. Аделин ахнула. Стена была покрыта красными отпечатками ладоней. Некоторые отпечатки представляли собой всего лишь силуэт, словно художник приложил руку к стене и побрызгал сверху краской.

– Это и есть оставленное нам сообщение, – прошептал отец. – Нам говорят: мы жили здесь до вас, наши мысли не отличаются от ваших, вы пришли в нужное место.

Аделин хотела прикоснуться к стенке, но отец перехватил ее руку.

– Не трогай! Рисунок легко повредить. Пойдем, это еще не все.

Через несколько минут он присел на корточки, приблизив свое лицо к лицу девочки.

– Смотри.

И направил фонарь на потолок, осветив рисунок стаи темно-красных животных размером с корову, с заросшими густой шерстью спинами и ногами.

Аделин лишилась дара речи. Она самозабвенно бродила под потолком, жадно разглядывая картину. Животные были хорошо прорисованы, покатые своды пещеры придавали некоторым из них объемность. Отец отступил назад, провел лучом по потолку, отчего некоторые изображения скрылись в темноте, – эффект был такой, словно стадо пришло в движение.

– Кто это такие? – спросила Аделин.

– Степные зубры.

Такое название Аделин слышала впервые.

– Они все умерли, – добавил отец. – Давным-давно. Если каждая особь вида мертва, что это означает?

Аделин покачала головой.

– Это означает, что вымер весь вид. Такова суть еще одного сообщения. Догадываешься, какого?

Девочка немного подумала.

– Что жители пещеры охотились на зубров?

– Правильно. Но не только. Эти люди жили в давние-предавние времена. Если соединить все вместе, получается, что художник хотел передать нам: мы жили здесь, наши мысли не отличаются от ваших, но это было очень, очень давно.

Отец повел Аделин в глубь пещеры, к еще одному наскальному рисунку. Он изображал одинокую самку оленя с величественной осанкой.

– Красивая, правда? – прошептал отец.

Девочка кивнула.

– Ты в два раза красивее.

Пройдя еще несколько метров, они остановились у небольшой ниши с ископаемыми костями. Рядом стояли металлические коробки.

Отец открыл одну из них. Внутри лежали продолговатые кости, в следующей – осколки черепа.

– Это кости того самого художника? – спросила Аделин.

– Может быть. Или кого-то, как он. Но эти останки значат куда больше. Они – часть очень серьезного послания, отправленного из далеких времен в надежде, что, когда мы будем готовы, мы их изучим и все поймем.

Девочка насупила бровки. Отец заметил ее недоумение.

– Эти кости – как хлебные крошки, оставленные Гензелем и Гретель.

Аделин хорошо помнила эту сказку. Во время великого голода родители Гензеля и Гретель испугались смерти. Они отвели своих двух детей в лес и оставили там, чтобы избавиться от лишних ртов. Но Гензель и Гретель на ходу бросали хлебные крошки, чтобы потом найти дорогу домой. К ужасу детей, волки съели крошки, отчего брат и сестра заблудились в непролазной чаще.

Аделин не могла взять в толк, что общего было между сказкой и костями из пещеры.

– Папа, а куда ведут эти хлебные крошки?

– К истине. Однажды мы обнаружим все кости, похожие на эти. Они укажут дорогу, как крошки указывали ее Гензель и Гретель, и мы наконец поймем, как мы стали такими, как есть... и кем станем потом.

Отец присел и заглянул девочке в глаза.

– Кости – это части головоломки, их оставили нам до тех времен, когда мы сумеем сложить все кусочки в единую картину, и наши технологии помогут разгадать загадку. На свете нет ничего важнее этого открытия. Осталось найти недостающие части. Ну как? Ты мне поможешь?

Аделин кивнула.

– Рано или поздно мы их найдем. К сожалению, сейчас мир напоминает дремучий лес из сказки о Гензеле и Гретель. Волков ты уже видела.

Девочка собрала брови в гармошку.

Отец улыбнулся:

– Я имел в виду злого дядю в поезде. – Он заправил прядь волос за ухо дочери. – Но они тебя не достанут. Когда мама проснется, она увезет тебя в город на берегу моря. Оттуда вы поплывете в другой морской город, очень далекий.

Отец взял Аделин за плечи.

– Вернетесь, когда опасность минует.

– Ты поедешь с нами?

Мужчина промолчал.

Девочка затрясла головой.

Отец обнял ее.

– Я не могу.

– Почему, папа?

– Мне нужно работать. Если откажусь, меня найдут хоть на краю света. Вернусь в Берлин, спрячу находку, подожду до лучших времен. Вы с мамой вернетесь, когда мир перестанет напоминать дремучий лес. И мы отправимся на поиски остальных хлебных крошек. Все вместе.

Глава 1

Доктора Пейтон Шоу разбудили крики. В метре от кровати гудел комнатный обогреватель, однако в маленькой каюте по-прежнему стоял ледяной холод.

За закрытой дверью крики сменились оживленной перепалкой. Пейтон слышала лишь обрывки фраз.

- Геномы не совпадают...
- Определенно не неандерталец...
- Новый человеческий вид...

В каюте имелось всего одно окно из толстого прессованного стекла, оно выходило в грузовой трюм корабля. Напоминающее гигантскую пещеру пространство было превращено в научно-исследовательскую лабораторию экспедиции, в которой ни на минуту не затихала лихорадочная деятельность. В каюту просачивался белый свет флуоресцентных ламп, напоминающий лондонскую улицу в туманный вечер. Пейтон хотелось выйти наружу и выяснить, о чем шел спор, но она слишком устала от последнего погружения в затонувшую подводную лодку. Женщина попросту лежала и слушала, бесцельно шаря глазами по стенам, покрытым фотоснимками костей и мертвых тел, как в кабинете криминалистической экспертизы.

Пейтон привыкла к полевым исследованиям и бытовым неудобствам. Она всю жизнь расследовала вспышки заболеваний в горячих точках планеты. Самую трудную загадку подбросила пандемия вируса X1, опустошившая мир в прошлом месяце. Умерли тридцать миллионов человек, включая многих коллег Пейтон по Центру контроля и профилактики заболеваний и обучаемых ею интернов Службы сбора эпидемиологических данных. С потерей трудно было примириться, особенно после того, как стала известна правда о смертельном явлении.

Отслеживая первоисточник пандемии, Пейтон установила, что вспышка заболевания была вызвана актом биотерроризма. Юрий Пашенко и орден «Китион» выпустили патоген с единственной целью – предложить лекарство от него же. Однако препарат был с «двойным дном», он не только уничтожал патоген, но и содержал в себе наноэлементы, технологию под кодовым названием «Rapture».

О «Rapture» мало кто что знал, кроме того, что эта технология являлась компонентом более крупного устройства – «Зеркала». В соединении с двумя другими техническими новшествами – «Rook» и «Rendition», «Rapture» и «Зеркало» позволили бы Юрию взять под свой контроль любого обитателя планеты.

Не успев прийти в себя от потери миллионов граждан во время пандемии, правительства всех стран мира теперь отчаянно пытались предотвратить появление «Зеркала». «Китион» искали повсюду, однако зацепиться было почти не за что. Поиски пока ни к чему не привели.

Мать Пейтон, Лин Шоу, предложила идти другим путем. Единственным способом остановить Юрия она считала разработку проекта, который составил бы конкуренцию «Китиону». Научные данные для него находились на борту подводной лодки «Китиона» «Бигль», потопленной Юрием тридцать лет назад. Лин в свое время поработала на «Бигле» и знала судно лучше любого из ныне здравствующих. Она считала, что данные и образцы на борту субмарины откроют доступ к коду, спрятанному в геноме человека, который позволит переписать историю человечества.

Многие относились к утверждениям Лин с большим сомнением, и на то имелись веские причины: до недавних пор она сама состояла в «Китионе». К тому же говорила загадками и скрывала то, что ей было известно. Однако Пейтон обещания матери было достаточно. Если обнаруженные на «Бигле» сведения помогут остановить Юрия и «Зеркало», доктор была готова искать их хоть на краю света. Так, впрочем, и вышло.

Две недели назад Пейтон с матерью поднялись на борт российского ледокола «Арктика» и отправились к Северному полярному кругу. На четвертый день путешествия все собрались на верхней палубе, наблюдая, как солнце в последний раз опускается за горизонт. После этого предстояло работать в крошечной круглосуточной темноте, как если бы корабль выпал из времени и оказался в другом измерении, где планетарные законы не имели силы. Единственным естественным источником света служило северное сияние, отчего окружающий мир еще больше напоминал другую планету. Пейтон вспомнила, как увидела эти фосфоресцирующие зеленые, синие и оранжевые полосы три недели назад на Шетландских островах. Там она воссоединилась с отцом и впервые за последние тринадцать лет провела немного времени наедине с Дезмондом. Теперь казалось, что все это происходило в другой жизни. Или во сне. Хорошо во сне.

Ученые на борту «Арктики» из всех сил стремились остановить «Китион» и совершить научный прорыв исторического масштаба. Пейтон разделяла их желание, однако хотела неизмеримо большего. Юрий и «Китион» забрали у нее отца, брата, Дезмонда. Отца они убили, Дезмонда похитили. Лодка «Бигль» служила ключом к срыву планов «Китиона» и одновременно – средством к возвращению Дезмонда. Мать заверила, что они его найдут.

Пейтон повернулась на бок и посмотрела на самую длинную стену каюты, до половины закрытую схемой подводной лодки. Участки, которые они уже осмотрели, были выделены другим цветом, но, хотя они составляли перечень всего найденного вот уже десять дней, больше половины громадной ядерной подлодки оставалась неисследованной.

Под схемой стояла старая кофеварка. Пейтон отчаянно хотелось выпить чашку кофе, но она не решалась включить шумный агрегат. Мать лежала на второй кровати каюты всего в паре метров и крепко спала. В последнее время Лин почти не отдыхала и другим не давала.

Пейтон отбросила одеяло, натянула толстый свитер, надела брюки и сунула в карман маленькое стеклянное сердечко – единственный личный предмет, который она захватила с собой из Атланты, все, что осталось от Дезмонда. Она повсюду носила его с собой как напоминание о том, ради чего сюда приехала и вкалывала, не жалея себя.

Пейтон потихоньку открыла дверь и вышла в трюм, прищурившись на минуту от яркого света. Прямо за дверями каюты тянулся ряд рабочих мест с компьютерами. Десятки технических работников смотрели на большие экраны, печатали, потягивали кофе. Над ними нависали пятеро ученых-исследователей, тыча пальцами в изображения.

– Дивергенция, возможно, произошла еще до АМГ¹.

– Либо ограниченная популяция, например, *floresiensis*².

– Можно назвать его *Homo beagalis*³...

– Леди и джентльмены, мы ничего и никак не будем называть. Это – экземпляр № 1644, так его обозначили ученые на «Бигле», и пока что это имя за ним и останется.

Пейтон узнала говорящего по голосу – доктор Найджел Грин, эксперт по эволюционной биологии, глава группы, анализирующей поднятые с «Бигля» образцы.

Доктор обернулся на эхо шагов, отражающееся от металлического пола, и, увидев Пейтон, сразу заулыбался.

– Вы шумите так, словно выиграли Суперкубок⁴, – сказала она.

Ученый-британец склонил голову набок.

– А что это?

– Проехали. – Пейтон кивнула на экраны. – Нашли что-нибудь?

¹ – Антимюллеров гормон – вещество, играющее роль в определении пола человеческого плода.

² – Человек флоресский (лат. *Homo floresiensis*) – гипотетический ископаемый карликовый вид людей, обнаруженный в Индонезии. Из-за малого роста флоресский человек известен также как «хоббит».

³ – Человек бигльский – игра слов с названием подлодки «Бигль».

⁴ – Высший приз в национальном чемпионате по американскому футболу.

Ученый приподнял брови.

– Воистину.

Найджел с важным видом распорядился, чтобы остальные «продолжали работу», и слегка коснулся спины Пейтон, направляя ее к незанятому месту. Он говорил полупрошептом, словно рассказывал страшную тайну.

– Мы только что получили из «Рубикона» первый набор данных. Все образцы из группы экземпляров номер один принадлежат вымершим видам – как и предсказывала ваша мама. – Найджел склонился над компьютером и вывел на экран изображение продолговатой кости в металлическом футляре. – Мы предположили, что экземпляр № 1642 – бедренная кость особи одного из видов семейства псовых. И не ошиблись.

Появилось изображение животного, напоминающего крупного волка.

– Волк ужасный. Жил в Северной Америке, в период со 125 000 лет до 10 000 лет назад. Лучшие окаменелости найдены в окрестностях Лос-Анджелеса в асфальтовой яме на ранчо Ла-Брея. – Найджел рассмотрел визуализацию. – Могучая зверюга. Представь себе волка весом в 70 килограмм с мощной головой и челюстями. Вымер вместе с мегафауной плейстоцена к концу последнего оледенения. Так мы, по крайней мере, считали раньше.

Ученый вывел на экран график, в котором Пейтон узнала тест на датирование по углероду.

– Возраст экземпляра, поднятого с «Бигля», примерно 9500 лет, – сказал он. – А это означает, что данное животное разгуливало по земле через 800 лет после рождения последнего известного нам ужасного волка. Хронику существования вида придется переписывать заново.

Найджел пошевелил мышью.

– Но это еще не все.

Появилось изображение четырех реберных костей.

– Догадываешься?

Пейтон тяжело вздохнула. Она умирала по чашке кофе.

Доктор сама попросила Найджела и его группу держать ее в курсе своих открытий. Палеонтология не относилась к области ее знаний, но натура требовала от Пейтон погружения в работу с головой и естественного любопытства ко всему, связанному с наукой. В глубине души она надеялась: чем больше она узнает о секретах подводной лодки, тем больше у нее будет шансов остановить Юрия и вернуть Дезмонда. Доктор шестым чувством уловила, что у Найджела есть свой личный резон рассказывать ей о находках, хотя и не догадывалась, какой именно.

– Очевидно, тоже кости вымершего вида?

– Ха! Да, конечно, но какого?

– Понятия не имею.

– Ты серьезно?

– Найджел, я эпидемиолог. Для меня главное, чтобы не вымерли мы сами.

Отповедь ничуть не умалила воодушевления ученого.

– Ты права. Это окаменелости американского льва.

Пейтон и об этом виде никогда не слышала. Она опять мысленно спросила себя, к чему клонит Найджел.

На экране появилась визуализация. Лев на картинке, в глазах Пейтон, был совершенно похож на африканского, только намного крупнее.

Найджел заговорил тоном эксперта «Нэшнл джиографик», читающего лекцию исключительно для Пейтон.

– Американский лев появился примерно 340 000 лет назад. Мы считаем, что он произошел от евразийского пещерного льва и проник через Берингов пролив в Северную Америку, где произошла еще одна дивергенция. Гигант, один из самых крупных в семействе кошачьих за всю его историю, он на 25 процентов больше африканского льва.

Найджел убрал картинку и повернулся к Пейтон:

– Подобно ужасному волку и другим крупным млекопитающим, американский лев вымер на исходе плейстоцена. До настоящего времени самая молодая окаменелость датировалась 11 355 годами. Или так мы считали. Однако эти кости намного моложе; им, как и ужасному волку, около 9500 лет. Мы подозреваем, что они извлечены из одного места – асфальтовых ям на ранчо Ла-Брея, самого плодовитого источника окаменелостей американского льва.

Найджел на минуту замолчал.

– Все вместе, эти окаменелости подсказывают, что кто-то очень интересовался вымиранием видов в Четвертичном периоде.

Пейтон заморгала, потеряв нить рассуждений.

– Ну-у, большинство крупных животных вымерли к концу последнего ледникового периода. Почему – одна из величайших научных загадок. По крайней мере, для меня как эволюционного биолога. – Найджел развел руками. – Представь себе, каким мир был примерно 12 000 лет назад. Землю населяли гиганты: мастодонты, саблезубые кошки, гигантские кондоры, ленивцы мегатерии, саблезубые лососи. В то время, когда люди закладывали город Иерихон, чудовищных размеров звери еще бродили по земле, летали в небе и плавали в океанах. Некоторые существовали намного дольше нас – десятки миллионов лет. Потом буквально за одно мгновение на шкале эволюции они исчезают.

Найджел сделал многозначительную паузу.

– Ученые годами ломали головы – почему? Не этим ли вопросом занимались на борту «Бигля»? Может быть, они нашли причину вымирания видов в четвертичном периоде?

Пейтон неуверенно поерзала в кресле.

– Трудно сказать, Найджел.

– Потому что тебе не говорят?

Лин предпочитала держать команду исследователей в неведении. Пейтон она рассказывала чуть больше, но ненамного. Сказала лишь, что ученые на «Бигле» испытывали революционную гипотезу так называемой «второй эволюционной теории», способную радикальным образом изменить представления о сущности человека. Еще не осознав причину, Лин решила не делиться этой информацией с Найджелом и другими учеными.

До Пейтон наконец дошло, с какой целью Найджел устроил свою лекцию. Он горел желанием узнать, что ей рассказала Лин, чем конкретно занимались исследователи на «Бигле». Это ставило Пейтон в дурацкое положение. Пора поговорить с мамой по душам.

– Больше ничего, Найджел?

Коротышка-биолог вернулся к компьютеру и вывел на экран фотографию небольшого человеческого черепа.

– Вот, оставил на сладкое. Нам удалось взять образец ДНК из зуба. Череп человеческий, но геном не совпадает с нашим.

– Геном у всех разный.

– Верно. Но у каждого вида и подвида имеется свое... лекало, если угодно. Наш геном на 98,8 % совпадает с геномом шимпанзе. Каждый человек и шимпанзе имеют в своей последовательности неодинаковые величины, однако каркас тот же самый – двадцать три хромосомы. Неандертальцы к нам еще ближе, их геном совпадает с нашим на 99,5 %.

Найджел указал на картинку с черепом.

– А этот загадочный человек нам еще больше родня – совпадение на 99,6 %. Невероятно. Такого генома мы еще не видели. Этот господин умер около 9000 лет назад. Он, пожалуй, наш самый ближний предок или двоюродный брат. Мы пока не знаем, произошел ли он от семейного древа человека до нашего выделения в отдельный вид или после.

Найджел внимательно посмотрел на фото.

– Мы предполагаем, что череп был обнаружен в том же самом месте, где нашли льва и волка. – Ученый бросил взгляд на каюту, которую Пейтон делила с матерью. – Было бы чрезвычайно полезно узнать, что вы нашли в рабочих каютах на подводной лодке. Какие-нибудь записки, связанные с костями? Карту места, где их обнаружили?

– Это не в моей власти, Найджел.

– Согласен. Но она к тебе прислушивается. Ясно, что последние тридцать лет эти кости пролежали на «Бигле», однако неизвестно ни когда их подобрали, ни что еще было обнаружено. Без контекста мы не сможем разобраться, с чем имеем дело.

Пейтон покачала головой.

– Ну, пожалуйста. Это жизненно важно. Я не уверен, что ты до конца понимаешь всю серьезность этого открытия. Мы буквально переписываем историю заново.

Резкий голос заставил Пейтон вздрогнуть.

– Мы не переписываем историю.

Лин Шоу стояла от них меньше чем в метре. Лицо ее осунулось, но тон не выдавал усталости. Лин подошла ближе, посмотрела на снимок черепа и тут же отвела взгляд, словно не нашла в нем ничего интересного.

– История не меняется, доктор Грин. Ее лишь забывают, а потом открывают заново. В данном случае мы всего лишь восстанавливаем то, что заново открыла отважная команда «Бигля».

– Что именно?

– Вы поймете, когда мы соберем все части. И нам пора поднять наверх новую порцию находок. Распорядитесь, чтобы русские подготовили к погружению батискаф.

Найджел посмотрел на часы.

– С последнего погружения прошло всего шесть часов.

– И что?

– Команда устала...

– О боевом духе экипажа я позабочусь сама. Выполняйте, доктор Грин.

Ученый опустил глаза в пол.

– Есть, мэм.

Повернувшись к Пейтон, Лин спросила:

– Кофе?

* * *

В каюте Лин включила старую кофеварку.

– Он задает вопросы, мам.

Лин провела пальцем вдоль по схеме «Бигля», словно мысленно двигалась по затопленной подводной лодке и решая, какую секцию осматривать на этот раз.

– Что ты им скажешь?

– Ничего, – прошептала Лин, не отрываясь от карты.

– Их интересует, что там внизу. Зачем проводились эти эксперименты. И, если честно, меня это тоже интересует. – Пейтон выглянула из окна на случай, если кто-нибудь стоял за ним и подслушивал. – Этот код в геноме человека – что он такое? За что он отвечает? Каким образом сможет он помешать «Китиону»?

Лин избегала смотреть в глаза.

– Ты мне доверяешь?

– Да. – Пейтон на мгновение замолчала. – А вот ты, похоже, не всем доверяешь.

– Ты заблуждаешься.

– В чем?

– Я не только не всем – я никому не доверяю. Единственный человек, кому я могу верить, стоит прямо передо мной.

Глава 2

Дезмонду было противно сидеть в тюрьме, но следовало признать – устроена она была со знанием дела. «Камера заключения» представляла собой дворик под открытым небом, окруженный высокой электрической изгородью. Внутри – утрамбованная земля с клочками травы. В трех метрах от первой ограды – еще одна электрическая изгородь. Охранники делали обход каждые два часа, в остальное время за пленником следили камеры наблюдения на столбах. Над головой качались огромные масксети, раскрашенные под тропическую растительность, они прикрывали от жаркого в этой части Тихого океана солнца и, главное, скрывали Дезмонда от нацеленных на поиск «Китиона» и его самого спутников.

Дезмонд растянулся на лежанке посередине огороженной площадки, стараясь отогнать мысли о Пейтон. Не тут-то было. Между ними осталось слишком много недосказанного. Тревога не отпускала. Он был готов отказаться от дальнейших контактов с Пейтон, лишь бы узнать, уцелела ли она в мясорубке на Острове. В то утро Дезмонд пожертвовал собой, не стал сопротивляться пленению, надеясь, что Эйвери выполнит задачу – распространит лекарство от пандемии. Он так и не узнал, удалось ли спасти миллионы инфицированных, или мир уже рухнул.

Брат Дезмонда, Коннер Макклеин, приходил каждый день на закате и сидел на складном стуле за внешней изгородью. Иногда он пытался вызвать его на разговор, в другие дни читал, а временами просто молчал и ждал. Дезмонд, глядя на пляж внизу, упорно молчал.

Солнце в который раз опустилось за синий горизонт. «Чего они ждут?» – подумал Дезмонд.

* * *

Примерно в миле от места заточения брата Коннер подошел к двойным дверям из серебристого металла и сунул руку в устройство для считывания отпечатка ладони. Прибор пискнул, Коннер приблизил лицо к сканеру радужной оболочки глаза.

Двери открылись, впуская его в небольшую комнату со стенами из шлифованной стали. Он остановился перед еще одной парой дверей и подождал, пока встроенные в потолок и стены сканеры закончат проверку на оружие, взрывчатку и неопознанные устройства.

Наконец двойные двери раздвинулись, открыв вход в продолговатое помещение с полупрозрачными светящимися ровным белесым светом плитками на полу и потолке. Перед Коннером рядами стояли серверы и устройства слежения. Красные, зеленые, желтые и синие огоньки мигали, как будто оркестр играл неслышную мелодию. Вокруг сновали технические работники – проверяли машины, заскакивали в сетчатые кабины. Нечеткие лица за сеткой напоминали кающихся в исповедальне.

Аналогия показалась Коннеру уместной. Этот зал и есть святая святых, алтарь благоговения, зарождения новой жизни – новой и для него, и для всего человечества.

Коннер прошел мимо серверов к стеклянной перегородке на другом конце зала. За ней находилась темная обширная камера, грот со стенами из вороненой стали, на дне которого над морем жидкости плавало разреженное белое облако. Пронизывая его, возвышалась сотня черных башен, напоминающих небоскребы без окон, – город будущего.

Коннер не мог налюбоваться на дело своих рук. Вскоре «Rook» оживет и освободит его из плена.

* * *

Покинув здание, Коннер двинулся по немощенной дорожке. Камуфляжные сети над головой немного защищали от гнетущей жары, в то же время выполняя куда более важную задачу – маскировали положение базы «Китиона». Военные суда США, Австралии, России и Японии с их БПЛА прочесывали южную акваторию Тихого океана, охотясь за Юрием и Коннером. Кольцо поисков сужалось.

Коннер остановился у внешних ворот, надеясь, что брат отреагирует на его появление. Дезмонд не оторвал взгляда от масксети над головой.

Коннер открыл ворота. Дезмонд не шевельнулся.

С тех пор, как его доставили сюда две недели назад, он не проронил ни слова – не попросил еды, не пожаловался на погоду.

Вчера пленника – против воли Коннера – подвергли допросу. Коннер не мог равнодушно наблюдать за этой отчаянной мерой. Но другого выхода у них не было – времени оставалось в обрез, а на карту поставлено слишком многое.

Под воздействием химических веществ Дезмонд признался, что не помнит, куда дел «Rendition». Он явно каким-то образом припрятал эту информацию, чтобы извлечь ее, когда наступит нужный момент.

Коннер отчаянно желал достучаться до брата, перетянуть его на сторону «Китиона». От этого зависело их общее дело. И не только оно – у Коннера просто не было другого близкого человека, без брата он чувствовал себя одиноким. Психологически он вернулся к состоянию, в котором пребывал до того, как Дезмонд обнаружил его в Австралии, – безысходности и потерянности.

Сам Дезмонд до воссоединения с братом испытывал те же чувства, находя утешение только в чтении. Книги помогли ему пережить детство. Одной из любимых была «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона.

Коннер прихватил с собой еще одно классическое сочинение того же автора – «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда» – и принялся читать.

* * *

Когда солнце село и читать при лунном свете стало неудобно, Коннер встал, запер за собой ворота и неторопливо направился по дорожке обратно. По своему обыкновению, Дезмонд ничего не сказал, не пошевелился и вообще никак не отреагировал на появление брата. Это задевало Коннера больше всего.

Внутри накрытого камуфляжем здания Коннер зашел в комнату программистов. Как всегда, она напоминала свинарник. Из мусорного бака на пол вываливались сплюснутые банки из-под энергетиков и обертки от блюд для микроволновки. На длинном столе лежали серверные стойки со снятыми боковыми панелями и выпущенными кремниевыми кишками. Пол, как дорожка вокруг поля для гольфа, был усеян скомканными бумажными «мячами».

Одну из смятых бумажек Коннер раньше видел. Во время своего первого визита он заметил прилепленный к стене собственный портрет. Шрамы на лбу, левой щеке и подбородке были прикрыты имплантатами боргов⁵. Под изображением – надпись: «*Сопротивление бесполезно*». Трудно было сказать, что имелось в виду, стиль руководства Коннера или его представления о

⁵ Раса киборгов из сериала «Звездный путь».

будущем человечества – он в любом случае не обращал внимания. Над ним насмехались всю жизнь, он давно привык.

Ничего, скоро насмешки прекратятся. Карикатура лишний раз подтверждала, что от программистов не скрылась его решительность.

Раз убрали ее, значит, бояться.

Главный разработчик поймал отражение Коннера в оконном стекле. Он снял с головы наушники, развернул кресло и вскочил. Высокого, нескладного парня с болезненно бледной кожей звали Байрон.

– Прогресс? – отрывисто спросил Коннер.

– В чем?

– С Хьюзом и «лабиринтом».

Программист сглотнул слюну.

– Невозможное дело.

– Ваша работа – делать невозможное возможным, – одернул его Коннер.

– Видите ли, это как черный ящик внутри другого черного ящика.

– В смысле?

– В том смысле, что это как бы...

– Мне нет дела до «как бы». Конкретнее – в чем проблема?

– Проблема в том, что нам неизвестен принцип работы приложения «Labyrinth Reality».

– Так декомпилируйте, исследуйте исходный код.

– Уже сделали. Пять дней назад. Загвоздка не в коде.

– А в чем?

– В территориальной привязке.

– Не понял.

Байрон потер переносицу, словно необходимость объясняться вызывала у него страшное раздражение.

– Приложение отправляет кодированные сообщения на имплантат в мозгу Хьюза, они разблокируют воспоминания, но исключительно в привязке к определенному месту на карте. Сначала мы думали, что оно использует встроенный интерфейс программирования координат, а теперь выяснили, что сверка осуществляется с внешним сервером. Приложение, видимо, использует вышки сотовой связи или, что более вероятно, частные спутники, чтобы...

– Хакните сервер. Хакните спутник. В чем проблема?

– Все не так просто. Сервер возвращает на мозговой имплантат кодированный сигнал, это – второй черный ящик. Кодирование осуществляется патентованным алгоритмом. Мы не знаем даже, с какой стороны подойти. Похоже на контрольную сумму для подтверждения действительности запроса. Отправка недопустимого кода может привести к непредвиденным последствиям.

– Например?

– Да к чему угодно.

– А если подумать?

Байрон вздохнул:

– В лучшем случае контрольная сумма не сработает, система поймет, что произошла попытка взлома, и полностью отключится. Мы потеряем все шансы, что к Хьюзу вообще когда-либо вернется память.

– А в худшем?

– Повреждение мозга. Фальшивый код способен спутать воспоминания или подать неверную команду. Хьюз может превратиться в овощ или умереть.

Коннер прикрыл веки.

– На какой мы сейчас стадии?

– Как на «Кентаро Мару».

Напоминание о грузовом корабле, служившем тюрьмой для его брата, навело Коннера на неприятные мысли. Тогда он допустил ошибку. Больше это не повторится.

– Отпускать его еще раз я не стану. Мы и в прошлый раз его еле-еле поймали.

На экране появился диалог: «Обнаружен 1 вход».

Байрон нажал несколько клавиш, появились координаты GPS. Коннер тут же запомнил их.

– Отпускать необязательно, – сказал программист. – Достаточно привезти его на место.

Коннеру идея не понравилась, но это был какой-никакой выход. И пока что единственный.

– Хорошо. Я сам позабочусь о Хьюзе. Как продвигается дело с восстановлением программы управления «Rapture»?

– Тут прогресс налицо.

– Сколько сделано?

– Трудно сказать... Может, пятьдесят процентов.

Коннер покачал головой:

– Надо быстрее.

– Мы не можем...

– Можете. Времени больше нет. Корабли поиска через неделю нас обнаружат и атакуют, как сделали это на острове Китион. Вас по большей части перебьют, остальных либо упекут в тюрьму пожизненно, либо казнят. – Коннер помолчал, чтобы смысл сказанного проник в мозги подчиненных. – Программа управления «Rapture» – ваша единственная надежда на спасение.

Байрон кивнул:

– Сделаем, сэр.

Коннер пристально посмотрел на программиста и направился на командный пункт. Заднюю стену закрывал большой экран со спутниковыми фотографиями, меняющимися в режиме реального времени. В помещении в несколько рядов стояли рабочие столы. Наступила горячая пора, все были при деле.

Коннер остановился у стола начальника смены. За ним сидела Мелисса Уитмейер, рыжеволосая женщина, лучший технический специалист среди тех, кто уцелел после атаки.

Коннер написал координаты GPS на клочке бумаги, лежащем на столе.

– Мне нужно знать, где это.

Уитмейер быстро взглянула на координаты и вывела на экран карту. Точка находилась близ Сан-Франциско, на дороге, ведущей от побережья в горы. Коннер узнал ее раньше, чем техник произнесла название, – Сэнд-Хилл-роуд. В течение нескольких месяцев 2000 года, в разгар доткомовской лихорадки, аренда офисов в этом глухом холмистом районе Калифорнии была самой высокой в мире. Мерцающая точка посреди карты обозначала здание, в котором размещалась компания Дезмонда «Icarus Capital». Попасть туда – задача не из простых.

– Какова сейчас обстановка в Америке?

– Воздушное пространство и береговая линия перекрыты. Ввиду ослабления боевой мощи, они очень боятся вторжения.

– А сухопутные границы?

– Охраняются не так плотно. Много войск стянуто к границе с Мексикой в Техасе, Аризоне и Нью-Мексико.

– Как насчет Калифорнии?

– Усиленные блокпосты на главных дорогах, это – все.

– Положение в Мексике?

– Гражданская война.

– Кого с кем?

– Наркокартелей и оргпреступности против мексиканского правительства. Перевес – у картелей. Они почуяли возможность превратить всю страну в наркогосударство.

– Ладно. Приготовьте один из самолетов. Тактическая группа должна быть готова к вылету через полчаса. Семь человек. Отберите лучших.

Коннер объяснил план действий, и техник начала искать на карте удобное место для перехода границы.

* * *

Юрий принимал доклад Коннера в своем кабинете. Пожилой русский сидел с безучастным видом, словно Коннер сообщал сводку погоды. «Видимо, таким его навсегда сделало детство, проведенное в оккупированном нацистами Сталинграде», – подумал Коннер. А может быть, Юрий уже был в курсе или попросту все заранее предвидел. Временами его серые глаза и неподвижный взгляд действовали на нервы даже Коннеру.

Юрий тихо, почти шепотом произнес:

– Твой брат потрясающе умен. Он мог подготовиться к непредвиденным обстоятельствам. Прибытие на место, где он прячет свою память, возможно, часть его собственного плана, который по-прежнему нам непонятен.

– У нас нет выбора. Я сам займусь им.

– А если он не отдаст «Rendition»?

– Отдаст.

– Однажды он нас уже предал. Если прохлопаем, предаст еще раз. Не забывай, что поставлено на карту. И помни: что бы с ним ни случилось, мы сможем поставить его на ноги с помощью «Зеркала».

– Он не единственный, кто нас предал. Лин Шоу вступила в сговор с американцами во время нападения, приказала нашим войскам сдаться.

– Похоже, Лин играет в игру покрупнее.

– Какую?

– Лин – последняя из оставшихся в живых членов первоначальной ячейки «Китиона», рьяных фанатиков, посвятивших себя поискам конечной истины – назначения человеческого рода. Вполне допустимо, что все эти годы она тайком работала над собственным проектом «Зеркала».

Этого только не хватало.

– Почему же она его не закончила?

– Я вижу несколько причин. У нас был ее сын. Я пригрозил вдобавок захватить ее дочерей. Но главная причина – нехватка необходимых научных данных.

– Тех, что на «Бигле»? – прошептал Коннер.

– Да. Пятнадцать дней назад артефакты и записи начали поднимать на поверхность.

– Что они нашли?

– Не знаю. Если это то, что требуется для завершения «Зеркала», Лин пока что ими не воспользовалась.

– В какое положение это ставит нас?

– Пока не ясно. Надо полагать, ее детище создаст нам неприятности – если она доведет его до конца. Но у нее ничего не выйдет – я об этом позабочусь.

Глава 3

В каюте с окном, выходящим в трюм, с треском проснулась портативная рация. Голос доктора Найджела тонул в шуме ветра и помехах. Пейтон разобрала слова только со второй попытки:

– Вызываю доктора Шоу.

Лин встала с узкой койки и схватила рацию.

– Шоу слушает.

– Мэм, вы нужны на палубе.

Лин бросила Пейтон догадливый взгляд.

– Иду.

Обе женщины быстро допили кофе, застегнули молнии на теплых комбинезонах. За дверью каюты команда биологов все еще толпилась у компьютеров, обсуждая полученный от «Рубикона» набор данных. Чуть дальше тянулись два ряда кабинок по обе стороны широкого коридора. Кабинки были обернуты молочного цвета пластиком, над столами с извлеченными из «Бигля» костями склонились археологи. Тонкий писк сверл звучал как гимн их кропотливому труду.

Скорость работы археологов неизменно вызывала раздражение у команды биологов. Последние желали побыстрее извлечь и секвенировать образцы, в то время как для археологов высшим приоритетом считалось обязательное сохранение цельности экземпляра. Лин добилась равновесия между командами, своеобразной разрядки напряженности, однако хрупкое перемирие не мешало биологам навешивать ярлыки. Археологов называли «белыми медведями» или просто «мишками», археологическую лабораторию – «берлогой», стычки с ними – «охотой на медведя», передачу образцов – «кормежкой хищников».

Пейтон, наблюдая, как одетые в белое фигуры рассматривают и сверлят кости, не могла отделаться от мысленного сравнения их с полярными медведями.

Пройдя через трюм, Лин с дочерью молча поднялись по лесенке на другую палубу. На верхней площадке Лин повернула колесо люка и вышла наружу. Ледяной воздух Арктики заставил Пейтон сжать зубы.

На палубе русского ледокола толпились моряки. Они оттеснили ученых, участвующих в спуске батискафа, к самой корме. Что и когда делать, решали исследователи, зато русские военные моряки решали – как. Между этими двумя группами, как и между археологами и биологами, не прекращались трения.

Сегодняшнее утро не было исключением. Старший помощник, капитан второго ранга Алексей Васильев, громко обвинял собравшихся у батискафа ученых в непродуманном планировании. Рослые члены русского экипажа сгрудились у него за спиной – так демонстрирует свою силу уличная банда.

Худая фигурка Лин почти потерялась среди здоровенных моряков. Она, как любопытный ребенок на суде Линча, протиснулась сквозь толпу поближе к месту действия. Пейтон старалась не отставать от матери, опасаясь, что проход между стоящими закроется и она застрянет в толпе.

Васильев, заметив женщин, перестал орать.

Лин ледяным – под стать окружающему воздуху – тоном спросила:

– Капитан, ваш персонал способен отработать наш график погружений или нет?

Васильев взмахнул руками и снова начал сыпать обвинениями. Слова вылетали из его рта с облачками белого пара, напоминая Пейтон мощный, рыкающий на холостых оборотах двигатель. Рев становился все громче, пара – все больше.

Лин повернулась к группе ученых:

– Доктор Грин, сообщите в «Альянс», что экипаж «Арктики» не справляется с графиком погружений и что мы не сможем выполнить задачу с той срочностью, которую от нас требуют.

Найджел кивнул и отделился от группы, но Васильев остановил его, вытянув мясистую руку. Он обернулся к своим подчиненным и что-то проворчал по-русски. Затем офицер что-то сказал Найджелу, после чего повернулся и ушел.

Когда он скрылся из виду, Найджел передал его слова:

– Он сказал, что они будут готовы через пятнадцать минут.

– Отлично.

На палубе началась суетливая работа, ученые и русские военные моряки бегали, натыкались друг на друга, ругались.

Найджел подошел поближе к Лин и, понизив голос, с сильным британским акцентом произнес:

– Доктор Шоу, я еще раз настоятельно прошу вас не покидать корабль.

– Нет. – Лин даже не посмотрела на него, наблюдая за приготовлениями.

– Вы незаменимы. К чему так рисковать?

– Никто не знает «Бигль» лучше меня.

– Возможно, вы правы. Но мы уже составили подробную схему субмарины. Наши эвакуаторы – опытные люди.

– Ваше пожелание принято к сведению, доктор Грин. Однако решение принято.

Найджел взглянул на Пейтон. Та пожала плечами, словно говоря: «Я уже пыталась».

Ей начало казаться, что в затонувшей подлодке есть что-то такое, чего мать не хотела показывать другим. Как будто Лин что-то скрывала. Пейтон не хотела оставаться в стороне, ради этого она настояла на том, что будет сопровождать мать во время всех спусков под воду. Если там было что-то такое, что могло спасти жизнь людям или помочь найти Дезмонда, Пейтон должна была это узнать.

Найджел тоже, видимо, что-то подозревал, но не подавал вида. Ученый лишь кивнул и послушно отступил в сторону, оставив Лин и Пейтон в самом центре царящей вокруг неразберихи, как памятник посреди уличного шествия.

С верхней палубы особенно хорошо были видны огромные размеры русского корабля. Метров тридцать в ширину, длиной в два футбольных поля ледокол «Арктика» был самым крупным в мире. Два ядерных реактора позволяли резать лед толщиной до четырех метров – еще один мировой рекорд. Палубы были выкрашены в зеленый цвет, отчего они делались похожими на миниатюрные поля для гольфа, в то время как внешние стенки были покрыты полинявшей красной краской. Возможно, конструкторы решили, что сочетание зеленого и красного лучше выделяется на фоне арктического льда, однако Пейтон оно напоминало о Рождестве, до которого оставалось меньше недели. Она не могла думать о празднике, не вспомнив тут же Дезмонда, ночь, проведенную на берегу Хаф-Мун-Бей, и тот момент, когда он открыл коробочку со стеклянным сердцем. Пейтон невольно прикоснулась пальцами к памятной вещице в кармане.

Она отошла к самому краю палубы. Покрытая дрейфующими льдами поверхность Северного Ледовитого океана уходила в бесконечную темноту, обступающую корабль со всех сторон. Корабельные прожекторы создавали вокруг ледокола пузырь света, отчего Пейтон казалось, что она стоит на игрушечном корабле внутри сувенирного снежного шара, а реальный мир скрыт от глаз за его стенками.

Стоя у леера, она могла видеть наверху примостившийся на посадочной площадке вертолет ВМС США. Мать дважды спрашивала, не желает ли она сесть в вертолет и покинуть экспедицию. Пейтон дважды отказывалась. Она решила не уезжать, не получив ответ на свои вопросы.

В темноте раздались чьи-то шаги. Голос Лин звучал теперь спокойнее, без командных ноток.

– Пора, Пейтон.

Через несколько минут они уже спускались к поврежденной субмарине.

* * *

Пока научно-исследовательский батискаф с Пейтон и Лин на борту стыковался с поврежденной подводной лодкой, к русскому ледоколу «Арктика» приближался еще один подводный аппарат с группой из пяти человек, специально обученных выполнению таких задач, какие им только что поставили.

Вместо того чтобы всплыть перед пусковой платформой «Арктики», ПА медленно обошел корабль по кругу. Командир искал просвет в ледяном покрове, такой, чтобы их не сразу заметили с кормы и бака.

Он выключил тягу, развернулся и начал всплытие. ПА остановился лишь при соприкосновении со льдом. Над водой, прикрывавшей его корпус на несколько десятков сантиметров, поднялась вертикальная белая труба. Насос у ее основания откачал воду, люк на конце трубы открылся, из аппарата по лесенке внутрь трубы забрался заместитель командира группы, лейтенант Стоктон.

Он приложил к корпусу «Арктики» мобильный робот и, вытащив пульт управления, активировал магнит робота. Аппарат прилип к поверхности ледокола и, бесшумно шевеля резиновыми гусеницами, начал подниматься вверх. Добравшись до палубы, робот выдвинул два коротких манипулятора и вцепился в металлический козырек. Антенна со стеклянным наконечником длиной и толщиной с палец поднялась и замерла чуть выше уровня козырька.

На подводном аппарате командир группы, капитан Фюрст, взглянул на часы, отметив время в уме.

Стоктон спустился вниз, убрал трубу. В течение двадцати минут пятеро диверсантов сидели внутри подводного аппарата, не нарушая молчания, следя на видео за перемещениями часовых и прочими нюансами, способными помешать успешному выполнению задачи.

Стоктон повернулся к Фюрсту и постучал по часам «Люминокс».

Командир кивнул.

Стоктон и еще один член группы надели бронезащиту и поверх нее – форму русских моряков. От мобильного робота к ПА тянулся высокопрочный трос-кабель. Из подводного аппарата еще раз выдвинули белую трубу, откачали из нее воду, открыли люк. Два бывалых разведчика вскарабкались наверх по корпусу «Арктики» меньше чем за две минуты.

На палубе они смешались со ста сорока членами судовой команды, приготовившись выполнить поставленную задачу – потопить ледокол и либо захватить в плен, либо уничтожить Лин и Пейтон Шоу.

Глава 4

В полночь Коннер вышел из здания и двинулся по освещенной лунным светом дорожке. За ним следовали три одетых в камуфляж наемника. Словно сбившийся с темпа оркестр, играющий встречный марш, пиликали насекомые.

Группа остановилась за изгородью большой клетки. Дезмонд лежал на раскладной кровати с закрытыми глазами, неглубоко дышал. Коннер потихоньку открыл наружные ворота, достал из кармана шприц и снял с него резиновый колпачок. Теперь все зависело от быстроты действий.

Он открыл внутреннюю калитку и подскочил к брату.

К полной неожиданности Коннера, Дезмонд скатился с кровати, принял боевую стойку и сделал выпад, повалив брата на спину. Затем, немедленно распрямившись, махнул кулаком. Зубодробительный удар угодил в лицо передовому охраннику. Тот налетел на забор под током высокого напряжения и забился в конвульсиях.

Два других наемника набросились на Дезмонда и повалили на землю, накрыв его телами, как игроки в регби. Коннер вскочил на ноги, не потеряв шприц, прижал голову брата к земле и воткнул иглу ему в шею.

«Извини, ты не оставил мне другого выхода», – мысленно произнес он.

* * *

Два наемника отнесли Дезмонда с гребня холма вниз, используя вместо носилок раскладную кровать. Потерявшего сознание бойца Коннер заменил другим человеком. В накрытом маскировочными сетями ангаре у реактивного самолета ждали еще пятеро охранников. Старший группы, майор Гойнс, доложил о завершении погрузки и готовности к взлету.

Взлетно-посадочная полоса представляла собой слегка выпуклую травяную дорожку. Самолет после нескольких толчков набрал скорость и оторвался от земли.

Коннер сел на свободное сиденье рядом с усыпленным Дезмондом. Еще один член команды Коннера, анестезиолог, доктор Саймон Парк, сидел по другую сторону от Дезмонда, наблюдая по приборам за жизненно важными показателями. Врач долго возражал против плана Коннера, но в итоге уступил, захватив с собой такое количество медоборудования, какого хватило бы для небольшой больницы. С его лица не сходило выражение озабоченности.

Коннер доходчиво объяснил доктору Парку, что он разделит судьбу Дезмонда, если с тем случится что-то неладное.

* * *

Прошло шесть часов. Горные хребты сменились пустыней, пустыня – океанским побережьем. На фоне гор и Калифорнийского залива мексиканский городок Сан-Фелипе выглядел крохотной точкой.

В нескольких милях от берега располагался аэродром с единственной взлетно-посадочной полосой. Спутниковые снимки потенциального места посадки устарели на неделю, однако облет показал, что люди в региональный аэропорт по-прежнему не вернулись. По крайней мере, их нигде не было видно.

На посадке самолет поднял огромное облако пыли. Коннер и его команда подождали, пока пыль унесет ветром – она крутилась вокруг самолета, как во время песчаной бури. Бойцы

сначала разгрузили два кроссовых мотоцикла, и четверо наемников отправились в город, поднимая новые клубы пыли цвета кофе с молоком.

Доктор Парк что-то ввел в капельницу Дезмонда.

– Как он? – спросил Коннер.

– В норме. – Доктор даже не обернулся. Он не любил тратить слова попусту. Коннеру это нравилось.

Как и было условлено, бойцы вернулись на четырех угнанных фургонах – слегка помятых и без стекол.

В один из них погрузили мотоциклы и остальной груз; медицинское оборудование и Дезмонда перенесли во второй. Вместе с ним в фургон сели доктор Парк и трое лучших бойцов. Две оставшиеся машины заполнили люди и грузы, в том числе большие канистры с бензином. Пища, вода и боеприпасы имелись в каждом фургоне – на тот случай, если по пути они оторвутся друг от друга.

Наемники заперли самолет, накрыли его брезентом и отправились через Сан-Фелипе на север. Туристический городок словно вымер. «Либо сбежали в город покрупнее, либо действительно перемерли», – подумал Коннер.

Сколько времени займет дорога до Сэнд-Хилл-роуд, можно было только гадать. В обычных условиях они провели бы в пути часов двенадцать, и то, если без заторов. Кроме того, следовало избегать главных дорог и крупных городов. Времени уйдет вдвое больше, зато меньше вероятности нарваться на бандитов и правительственные блокпосты – и те, и другие грозили оборвать их путешествие прежде времени.

Вблизи от границы Мексики и США фургоны свернули с дороги и двинулись через пустыню. Немаркированную границу они пересекли где-то между Мехикали и Тихуаной. Они как будто попали в Сахару – ни людей, ни животных; одни редкие кактусы да кустарники.

Группа снова выскочила на асфальт Калифорнийской автострады № 98 и свернула на запад, высматривая, не попадутся ли брошенные автомобили. Машины не попадались – под жгучим полуденным солнцем тянулась одна лишь безжизненная черная лента.

С автострады съехали у Койот-Уэлс – скорее стоянки для отдыха водителей грузовиков, чем населенного пункта. Зато нашли то, что искали – калифорнийские номерные знаки. Если кто-нибудь проверил бы регистрацию в дорожной службе, сразу стало бы ясно, что номера сняты с машин другого типа, но на первое время, пока не найдутся похожие, сгодятся и эти.

Затем они направились на восток, оставив побережье у себя за спиной, готовясь встретить больше людей, в том числе в военной форме. Пустыня сменилась зелеными орошаемыми полями. Сделав еще один поворот на север, колонна миновала озеро Солтон-Си, национальный парк Джошуа-Три и долину Юкка-Вэлли.

Теперь фургон, в котором сидели большинство боевиков, двигался на несколько миль впереди, выполняя роль разведдозора, проверяя маршрут на наличие блокпостов и других помех. Их так никто и не остановил, за исключением пары поваленных деревьев и оползня.

С каждым часом Коннер чувствовал себя все спокойнее.

В миле от Барстоу, в штате Калифорния, они заметили номерные знаки на других фургонах сходной марки и модели. Близ Марипосы снова повернули в сторону океана. Коннер не хотел ехать в район залива по федеральной магистрали, поэтому они выбрали живописные местные дороги, выходящие между заповедниками, парками и государственными лесничествами, растянувшимися от Сан-Хосе до Санта-Круса.

Через несколько часов после заката Коннер незаметно для себя самого задремал, убаюканный размеренным писком датчика сердцебиения брата.

* * *

На плечо легла чья-то рука. Коннер потянулся к пистолету в кобуре и только тогда открыл глаза. На лицо капитана Гойнса внутри салона падал верхний свет.

– Докладывайте! – буркнул Коннер.

– Передовая машина – на Портола-роуд. Только что свернула в Сэнд-Хилл.

– Остановиться у обочины! – скомандовал Коннер. – Пусть дозорный фургон подождет.

Он включил спутниковый телефон и позвонил Юрию.

– Положение? – спросил тот.

– Мы на месте.

– Сопротивление?

– Никакого.

– Отлично. Начинаем атаку. Надеюсь, она отвлечет внимание от вас.

– Понял.

– Не забывай, что тебя туда привело.

Коннер взглянул на брата, без движения лежавшего в полуметре от него.

– Не забуду.

* * *

Юрий дал отбой и прошел в центр управления.

– Как дела с «Перл-Харбор»? – спросил он начальника дежурной смены.

– Мы готовы, сэр.

– Приступайте.

Большой экран в глубине помещения отобразил карту мира, усеянную зелеными точками. Один за другим зеленые огоньки начали меняться на красные – это отключались роутеры. «Китион» заранее подготовился к подобной ситуации, много лет назад хакнув фирменное ПО этих устройств и внедрив «троянцев». Теперь роутеры превратились в бесполезные кирпичи из пластмассы, кремния и металла, ожидавшие момента, когда «Китион» вновь их оживит.

Спутники, ведущие обмен данными между сетями интернета, тоже погасли. Продолжали работать лишь спутники «Китиона» да нескольких частных компаний.

Мир привык полагаться на интернет.

А тут его вдруг не стало.

* * *

Коннер подождал, пока на экране ноутбука появится сообщение: *«Глобальная сеть интернет не работает»*.

Он переключился на видео с передового фургона и нажал кнопку рации.

– Вперед.

Фургон выехал на дорогу, двигаясь с максимально разрешенной скоростью. Водитель, как и все остальные пассажиры фургона, был одет в гражданскую одежду, хотя Коннер не сомневался – если их остановят на блокпосту, они все равно вызовут подозрение. Стрижки «ежиком», чеканные грубые лица выдавали их с головой.

Дорога была пустынна. Здание офиса Дезмонда, на которое указали координаты из его воспоминаний, находилось за съездом с федеральной трассы № 280 на Сэнд-Хилл-роуд. Там не наблюдалось никакого движения – ни машин, ни пешеходов.

– Заходим, – сказал Коннер. – Рассредоточьте машины.

Четыре фургона на пустой стоянке, плюющиеся в декабрьское утро белыми выхлопными газами, могли привлечь внимание. Однако на случай передряги они должны ждать достаточно близко.

– Всем группам находиться друг от друга в пределах видимости.

Когда машина остановилась на стоянке перед офисным зданием, Коннер достал из кармана сотовый телефон и открыл приложение «Labyrinth Reality».

– Нам обязательно идти в офис Дезмонда, чтобы оно сработало? – спросил он доктора.

– Не знаю. Я предпочел бы тревожить его как можно меньше.

– Ладно. Сначала попробуем отсюда.

Приложение спросило, кем он желал войти в лабиринт – Героем или Минотавром. Коннер ухмыльнулся. Он был положительным героем великой пьесы, сценой для которой служил весь мир, но остальные считали его Минотавром, чудовищем с телом человека и головой быка. Искромсанное лицо скорее делало его пригодным для второй роли.

И все же он кликнул на «Герое», потому что таковым считал себя его заблудший старший брат. Не иначе как он сам это все запрограммировал, чтобы не потерять ориентиры после удаления памяти, оставил подсказку, чтобы подкрепить собственную веру в справедливость задуманного. Коннер по-прежнему многого не понимал в поступках старшего брата.

Появился новый диалог: *«Идет поиск входа...»*

И через несколько секунд: *«Обнаружен 1 вход»*.

Коннер еще раз коснулся экрана, и появился индикатор с надписью *«Идет скачивание»* внизу.

Через несколько минут телефон издал жужжание.

«Скачивание закончено».

В тот же момент спина Дезмонда выгнулась, словно под ним подожгли кровать, после чего он рухнул на подушку и начал трястись. Кардиомонитор забил тревогу. Дезмонд пытался оторвать привязанные к поручням руки.

– Что с ним? – спросил Коннер.

Доктор Парк оставил вопрос без ответа. Он приподнял веко Дезмонда и посветил ему в глаз тонким фонариком.

Коннер схватил доктора за плечо:

– Эй!

Парк развел руками:

– Не знаю.

Коннер вдруг почувствовал себя беспомощным. «Он умирает. Я его убил».

Глава 5

Пейтон, стараясь не повредить защитный костюм, спустилась вслед за матерью и двумя «морскими котиками» ВМС в затонувшую подводную лодку. Пробы воздуха показали, что он не отравлен, однако Лин Шоу напомнила о странных экспериментах, проводившихся в некоторых лабораториях на борту «Бигля», из-за чего в воздухе могли остаться токсичные вещества. Проверке подлежал каждый офис и лаборатория. Защитные костюмы решили не снимать.

Работая в ЦКПЗ ведущим полевым эпидемиологом, Пейтон привыкла носить комплект биозащиты. Почти все горячие точки, куда ей приходилось выезжать, находились у экватора – в Карибском бассейне, Африке и Юго-Восточной Азии. «Бигль» представляла собой полную противоположность – ледяную могилу; за каждым поворотом ждали новые сюрпризы – лаборатории для экспериментов, офисы для хранения записей, картины разрушения от взрыва, потопившего субмарину тридцать лет назад.

Во время первого погружения команда разместила на полу в коридорах крохотные светодиодные маячки. Они освещали сверкающие ледяные кристаллы на стенах. Остатки тьмы рассеивал фонарь на шлеме Пейтон. В его свете проплывали хлопья пыли; казалось, что доктор летела сквозь черный космос, минув по дороге звезды.

Показался отрезок коридора с многоярусными койками по бокам. Половину мест занимали окоченевшие тела. Некоторые члены экипажа умерли с книгой на груди, другие – в объятиях любимого или товарища. Зрелище напоминало Пейтон охваченный эпидемией поселок, предсмертную пантомиму обреченных.

Посещение подводной лодки и вид мертвых ученых навели на мысли о пандемии, погибших членах ее собственной команды, зловещих способностях Юрия. Для него пандемия служила лишь средством к достижению цели – внедрению «Rapture». Микроскопические роботы, запрограммированные на нейтрализацию патогена, оставались в кровотоке неограниченное время, ожидая дальнейших инструкций. С помощью соответствующей программы «Китион» мог использовать наниты для изменения генетической информации организма носителей.

Наниты находились и в крови Пейтон и Лин. Опасность пока что миновала – брат Пейтон удалил программу управления «Rapture». Юрий с Коннером наверняка лихорадочно работали над воссозданием программы. Мать права в одном: времени больше нет. С каждым часом Пейтон все отчетливее сознавала присутствие крохотных паразитов в своем организме, циркулирующих вместе с кровотоком, расходящихся по всем частям тела, чтобы однажды парализовать разум и разрушить волю.

Два «котика» остановились впереди, распаковали свой багаж, включили плазменный резак. Поднесенная к запертой двери голубая струя пламени высекла сноп оранжевых искр.

Чтобы не мешать военным, Лин с Пейтон зашли в незапертый офис, который начали осматривать в предыдущее погружение. Лин молча выдвинула ящик из шкафа для документов. Пейтон приподняла фотоаппарат в готовности сделать снимок каждого документа с лицевой и тыльной стороны.

* * *

Двое диверсантов «Китиона» спустились в подпалубное помещение «Арктики» рядом с реакторным залом. Один, лениво поглядывая по сторонам, караулил в коридоре, второй прилеплял взрывные заряды к переборке.

Закончив работу, они перешли к еще одной переборке, примыкающей к корпусу ледокола с противоположной от подводного аппарата стороны. На ходу доставали из сумки взрыв-

чатку и крепили ее к переборкам, чтобы пробоина образовалась сразу в нескольких секциях. Если впустить в трюм побольше воды, потопить «Арктику» – раз плюнуть.

Когда все заряды были установлены, диверсанты доложили о готовности, сделав три щелчка на канале открытой связи.

* * *

Увидев то, что было написано на странице, которую она держала, мать Пейтон застыла.

– Выключи фотоаппарат.

– Почему?

Лин повернулась к дочери, на мгновение ослепив ее фонарем на своем шлеме, и показала ей четыре пальца.

Пейтон переключилась на четвертый канал.

– Этот документ мы в каталог вносить не будем, – сказала Лин.

– Почему?

– Он слишком важен.

– Тем более надо его внести.

Лин ненадолго замолчала.

– Верь мне, Пейтон. Ведь я в тебя верю.

Пейтон хотела было возразить, но передумала, поняв всю важность того, что только что услышала. Ей отчаянно хотелось, чтобы мать верила ей, а еще больше хотелось поверить матери. Словно в трансе, Пейтон выключила и опустила камеру. Лин бережно, как священную реликвию, вложила листок бумаги в протянутую руку дочери.

Рассмотрев, что перед ней, Пейтон остолбенела. Она ожидала увидеть какой-нибудь текст, а в руках у нее была цветная фотография наскального рисунка степного зубра, выполненного в красно-коричневых тонах.

– Что тут важного? Почему?

– Снимок сделан в пещере Альтамира.

Пейтон никогда не слышала о таком месте.

– Он как-то связан с «Китионом»?

– Посмотри на обороте, милая.

Там кто-то от руки написал две строчки:

Do fidem me nullum librum

А. Лидделл

– Первая строка – на латыни. Что она значит?

– Это начало очень древней клятвы, торжественное обещание сберечь знание.

Пейтон подождала дальнейших объяснений, но они не последовали.

– А. Лидделл. Похоже на фамилию. Он автор надписи?

– Нет.

Пейтон пристально посмотрела на мать.

– Тебе известно, кто ее сделал.

Лин утвердительно кивнула.

– Да. Доктор Пауль Краус.

– Ты знаешь его почерк? – Задав вопрос, Пейтон тут же все поняла сама. – Ну, конечно!

Пятьдесят лет назад вы оба работали на «Бигле».

– Да.

Пейтон еще раз взглянула на листок.

– Значит, мы именно это искали? Доктор Краус оставил снимок, чтобы ты его потом нашла, не так ли?

– На случай, если что-то произойдет.

– Вроде предательства Юрия?

– Внутри «Китиона» всегда имелись группы по интересам. Ученые воровали друг у друга результаты исследований, играли в политику, пытались перетянуть на себя финансирование. Поэтому Краус обычно прятал от других свои выводы. Нацисты во время Второй мировой войны заставили его работать на себя. США вывезли Крауса в ходе операции «Скрепка».

– Никогда о такой не слышала.

– «Скрепка» – послевоенная программа эвакуации немецких интеллектуалов на Запад. Она очень сильно повлияла на ход мировой истории. Множество американских изобретений пятидесятых и шестидесятых годов использовали разработки, начатые нацистами. Ракета «Сатурн-5», доставившая космический корабль «Аполлон» на Луну? Не более чем увеличенная версия ракет V-2, которыми Германия обстреливала Лондон в 45-м. Обе спроектированы одним и тем же ученым – Вернером фон Брауном.

– Чем занимался Краус?

– Истоками человечества. Второй теорией эволюции.

– Вот, значит, почему его завербовал «Китион»...

Лин кивнула.

– Они надеялись, что исследования Крауса выявят истинное предназначение человеческого рода – наше будущее, нашу, как они это называли, окончательную судьбу. Краус всю жизнь изучал предков человека – семейство гоминидов, вымерших до нашего появления. Он считал их ключом к коду, спрятанному в геноме человека.

– Какого кода?

– Существует несколько теорий насчет того, что есть этот код или чему он служит.

– У тебя тоже есть своя теория?

Лин отвернула голову, луч света уполз в ту же сторону.

– Я это скоро выясню.

Догадка обожгла Пейтон.

– Ты намерена довести его разработки до конца!

Лин промолчала.

– Вот для чего ты собирала образцы ДНК! Во время пандемии, в санитарных зонах государственных органов по всему миру брали образцы и передавали их «Rook Quantum Sciences». Ты использовала их в своих исследованиях, я права? Хотела сравнить геномные данные с разработками Крауса?

– Да. Я и раньше говорила, что надеялась дополнить собранными данными работу Крауса, но меня никто никогда не ставил в известность, каким образом их будут собирать. Знай я, что Юрий организует пандемию...

Пейтон остановила мать движением руки.

– Я тебе верю, мама. погоди-ка, ты только что сказала, что надеялась закончить работу Крауса... так что? У тебя не получилось?

– Работа еще не закончена.

– Почему?

– Ключ к пониманию кода не в количестве образцов, а в их разнообразии. Нам необходимо узнать, как геном человека менялся со временем. Перемены происходили не случайно, это похоже на математическое уравнение. Если собрать достаточно данных, станет ясно, что их вызвало.

– И что настанет потом...

Улыбка тронула губы Лин, словно ответ Пейтон вызвал у нее гордость за сообразительность дочери.

– Вот, значит, в чем суть кода? Это – алгоритм грядущей эволюции?

– Не исключено. Хотя мы считаем, что у него иное предназначение.

– Какое?

Лин на минуту замолчала.

– Доверься мне, Пейтон.

– Ты все время повторяешь «доверься, доверься», но не хочешь мне сказать, что происходит. Ты сама мне не доверяешь – это несправедливо.

– Ты понятия не имеешь, какие силы здесь замешаны.

– А все потому, что ты держишь меня в неведении.

– Каждый вопрос порождает еще один. В итоге цепочка приводит к выводам, понять которые ты не сможешь ввиду нехватки научных знаний.

– Ничего, запишусь в библиотеку.

– Легкомысленно и неучтиво.

– Ты учишь меня этикету, а сама обращаешься со мной снисходительно, как с неграмотной глупышкой.

– Я никогда не считала тебя неграмотной и не говорю с тобой свысока. Извини, если тебе так показалось. У меня и в мыслях этого не было.

– А что тогда у тебя в мыслях?

– Выиграть время. Милая, для понимания происходящего тебе не хватает не ума, а знаний. Для их приобретения требуется время – субстанция, которая у нас в дефиците. Некоторые из этих исследований были начаты еще две тысячи лет назад. Большинство материалов ты не найдешь ни в одной библиотеке. Кое-что погребено здесь, а кое-что – в других местах, и нам еще только предстоит их разыскать. Все остальное, если честно, попросту у меня в голове.

Пейтон не хотелось смотреть в глаза матери.

– Хотя бы скажи, зачем ты этим занимаешься, чего ты добиваешься?

– Ты и так знаешь – остановить Юрия и «Китион».

– Каким образом? Как им может помешать код, спрятанный в геноме человека?

Лин тяжело вздохнула:

– Объясни непросвещенной.

– Мы считаем, что код – ключ к созданию устройства, которое обезвредит «Зеркало» Юрия и Коннера, одновременно распутав главную загадку всех времен.

Глаза Пейтон расширились.

– То есть ты соперничаешь с Юрием за обладание «Зеркалом»? Ему оно нужно для захвата власти, а тебе – ради науки?.. Ты вовсе не собираешься уничтожить «Зеркало»! Ты решила завладеть им!

Мысли Пейтон перескочили на тридцать лет назад, в ту ночь, когда они покинули Лондон, а потом скитались по отелям в Америке, когда мать пряталась в туалете – до прикроватной тумбочки тянется телефонный шнур, разговоры шепотом за дверью, настойчивые расспросы о судьбе «Бигля».

– Тридцать лет назад ты была страшно удручена потерей «Бигля». Все потому, что лишилась научных материалов для экспериментов с собственным «Зеркалом».

– Правильно.

– Что это устройство способно делать?

– Наше мы называем «Кроличья нора». Оно совершенно не похоже на «Зеркало» Юрия, ни по принципу действия, ни по результату...

– Мам, не юли. Скажи, для чего оно.

– Пока что это все, что я могу тебе открыть, милая. Извини.

В каюту проник еще один луч света. Пейтон обернулась и увидела в дверном проеме фигуру.

Глава 6

Дезмонд вспомнил, как сидел в своем кабинете и смотрел в окно на велосипедистов в дорогой экипировке, отчаянно жмущих на педали под моросящим дождем. Это было осенью 2003 года, крах доткомов еще не отболел в памяти инвесторов. Финансовые потоки пересохли. Владельцы венчурных капиталов стали задавать неудобные вопросы. Инвестиции «проездом», как их называли, постигла участь динозавров. Выжили только самые осторожные и скрупулезные игроки вроде Дезмонда. Он ничего не делал, не изучив вопроса. И никогда не отклонялся от однажды поставленной цели.

В стеклянную дверь постучали.

На пороге с обычным непроницаемым выражением на лице стоял Юрий Пашенко. Не говоря ни слова, он тут же повернулся и пошел прочь.

Дезмонд сгреб плащ и тоже направился к выходу.

Машина ехала по федеральной трассе № 280, оба пассажира, глядя на зеленые пологие холмы, придорожные торговые ряды, офисные здания, жилые комплексы, хранили молчание. На подъезде к Сан-Франциско дождь усилился. Город, как вирус, расплодился от моста Золотые Ворота, преобразая любую старую рухлядь в сияющие новизной дома с увеличенным в несколько раз ценником. Проживание в городе все больше становилось его работникам не по карману.

Юрий повернул на съезд с автострады № 1. Проехали несколько кварталов. Дома стояли впритык без единого сантиметра пространства между ними. Нижние этажи были заняты гаражами, жилье сосредоточилось на втором и третьем этажах.

Из каждого второго окна свисали предвыборные транспаранты Гэри Ньюсома; этикетки с призывами голосовать за него облепили все машины. Еще больше плакатов призывали к отзыву губернатора Грея Дэвиса и совсем мало – к его поддержке. На пост губернатора предлагались новые кандидаты, в основном Круз Бастаманте от демократов. Транспарант, свисающий с козырька заправочной станции «Флайерс», провозглашал: «Аста ла виста, бэби», выражая поддержку Арнольду Шварценеггеру. Фраза напомнила Дезмонду «терминаторские» шутки времен работы в «SciNet», первую встречу с «Китионом» и его компанией-вывеской «Rapture Therapeutics».

В некотором отдалении простирался мост Золотые Ворота – две красные башни гордо высились над заходящим солнцем и Тихим океаном. С моря надвигался туман, он полз к мосту, словно снежная лавина в замедленной съемке.

Юрий выбрал извилистую дорогу через Голден-Гейт-Парк до парка Президио. Однако, вместо того чтобы выехать на мост, он свернул на 101-ю Южную к лодочной гавани. В заливе маячил остров Алькатрас. От берега отчалил паром с туристами, другой, такой же, возвращался с острова.

Свернув на Ломбард-стрит, Юрий наконец нарушил безмолвие:

– Мир не то, чем кажется, Дезмонд.

Дезмонд подождал, не разовьет ли он мысль, однако старик продолжал вести машину в молчании.

В Рашен-Хилл Юрий повернул к Рыбацкой пристани. На площади Гирарделли толпы туристов гуляли, делали покупки, рассаживались по ресторанам, водили пальцем по карте, прятались от хлынувшего дождя под зонтиками и в подворотнях.

– Ты видишь разницу между ними и нами? – кивнул Юрий на туристов.

Автомобиль остановился. Барабанная дробь дождя становилась все громче с каждой секундой, из-за чего голос Юрия словно уплывал куда-то вдаль.

– Мы очнулись, осознали истину, что мир глубоко ущербен.

Мимо проплыли отель «Аргонавт», торговый центр «Кэннери», площадь Анкоридж. Юрий остановился у Пирса 39, популярной точки туризма со множеством баров, ресторанов и магазинов.

– В глубине души они тоже это осознают. Временами какие-нибудь события отвлекают: люди влюбляются, находят новую работу, срывают куш в игре. Они думают – вот оно, ничего больше не надо... Увы, чувство ущербности мира раз за разом возвращается. Наш род здорово наловчился вытеснять истинные ощущения – работой до упаду, покупками разной дряни, попойками с друзьями, спортивными залами. Мы хохочем, кричим, веселимся. И что еще хуже – деремся, спорим, говорим то, о чем потом сожалеем. Наиболее острые приступы притупляются алкоголем и наркотиками. Лишь бы удержать зверя подальше от себя. А под этим наносным слоем наше подсознание вопит о помощи, вызывает найти выход, устранить коренную проблему. Все страдают от одного и того же.

– От чего?

– Нас убеждают, что такова человеческая природа. – Юрий повернул лицо к Дезмонду. – Но это неправда. Проблема на самом деле проста: мир не такой, каким кажется.

– А что он тогда?

– Наука дает один ответ, различные священные писания – множество других. Людям эти советы постепенно надоедают, они перестают верить, прозревают, и это прозрение скоро разорвет мир на части. Близится катастрофа, каких еще не было. – Юрий взял паузу и сделал глубокий вдох. – Дезмонд, мы способны ее остановить. У нас есть ответ на вопрос, который извечно нас мучил. Есть решение. С наскака ничего не выйдет. Готовиться придется всерьез. Члены нашей... группы...

– «Китиона»?

– Да. Мы искали выход очень долго.

Сердце Дезмонда забилося чаще.

– В чем он состоит?

– Скажу, когда ты будешь готов.

Жизнь научила Дезмонда, что халявы не бывает, всегда есть какая-нибудь закавыка. Он сидел в машине здесь и сейчас, потому что так было угодно Юрию.

– Но почему я? Что тебе нужно от меня?

На губах старика мелькнула тень улыбки.

– Причин две. Во-первых, как я уже сказал, ты очнулся. Скажи я то же самое одному из этих людей на улице, они попросту рассмеются мне в лицо и отойдут в сторону. Однако ты знаешь: то, что я говорю, – правда. Мир не такой, каким представляется.

– А вторая причина?

– Сам не догадался?

– Я тебе нужен.

– Верно.

– Почему?

– Из-за твоих способностей. Мне сдается, что ты – единственный, кто сможет сконструировать один из компонентов нашей разработки.

– «Зеркала»?

– Да.

– Что это за компонент?

– Всему свое время. Тебе еще многому предстоит научиться.

– Чему именно?

– Прежде чем вступить в «Китион», ты должен увидеть человечество в истинном свете, не отворачиваться от истины, которую мы загоняем подальше внутрь себя. – Юрий сделал еще

одну паузу. – Это не работа на полдня и не хобби, Дезмонд. Надо отдаться делу полностью. Если ты это сделаешь, возврата не будет. Понятно?

Мысли Дезмонда перекинулись на степной пожар в Австралии, когда он бросился в огонь, уничтоживший его дом и семью, и тот день, когда ему сообщили о смерти дяди, а Дейл Эппли явился, чтобы его обчистить. В этих двух ситуациях он действовал без колебаний: в Австралии шагнул в пламя, Дейла убил, чтобы спасти свою жизнь. Оба решения стали чертой, за которую уже не вернуться.

Дезмонд почувствовал, что наступает еще один такой момент. Он и тут не стал колебаться.

– Я дам тебе время подумать.

– Я уже подумал.

Юрий отъехал от тротуара, двинулся прочь от Рыбачьей пристани по Эмбаркадеро. Отели, рестораны и магазины сменились небоскребами и многоэтажными стоянками – машина двигалась к финансовому дистрикту и мосту через залив.

Юрий припарковал автомобиль в подземном гараже под неприметным высоким зданием из стекла и стали. На первом этаже – аптека и магазин готовой одежды «Банана Репаблик», рядом – два вакантных торговых помещения. Они вышли из машины. Дезмонд быстро взглянул на список компаний у лифта. «Rapture Therapeutics» размещалась на четырнадцатом этаже.

К его удивлению, Юрий, вставив карту-ключ, нажал кнопку двадцать пятого этажа.

Двери лифта открылись перед мраморным фойе с двойными, облицованными деревом дверями. Юрий приложил ладонь к сканеру, двери распахнулись.

За высокой стойкой сидела стройная женщина в черном деловом костюме. На стене никаких логотипов или эмблем. Секретарша улыбнулась Юрию.

– Добрый вечер, сэр.

– Добрый вечер, Дженнифер. Позволь представить тебе Дезмонда Хьюза.

Женщина встала и протянула руку.

– Дезмонд останется у нас на некоторое время.

– Добро пожаловать!

– Спасибо! – ответил Дезмонд, озираясь по сторонам и все еще не понимая, куда попал.

Юрий провел его по коридору, который закончился небольшим холлом с четырьмя выходами. Достав из кармана еще одну карту, он провел ей по сканеру у одной из дверей и толчком открыл ее.

Внутри находились апартаменты с современной обстановкой. Из гостиной открывался захватывающий дух вид на залив. Кроме того, имелись одиночная спальня, рабочий кабинет и хорошо оснащенная кухня.

– Теперь это твой дом.

Дезмонд рассеянно кивнул.

– Это...

– ...своеобразный отель. На трех верхних этажах – квартиры. Все они принадлежат нам.

– Я буду работать в «Rapture»?

– Нет.

Юрий провел гостя обратно по коридору мимо приемной стойки и обеими руками раздвинул двери в еще одно помещение, внушительнее которого Дезмонд еще не видел.

Он вошел внутрь и остановился, потеряв дар речи. Двери за спиной закрылись.

– Я знал, что тебе понравится.

Библиотека занимала три этажа в высоту, винтовая лестница в углу вела на балконы-подковы на двух уровнях. Окно в три этажа на противоположной стороне открывало вид на залив. Последние лучи солнца цеплялись за Алькатрас и мост Золотые Ворота, как водоросли за прибрежный песок. За длинными столами с горящими лампами никто не сидел.

- С этого и начнем, – вкрадчиво произнес Юрий.
- Что начнем?
- Твое обучение. – Его собеседник взглянул в окно. – Твое настоящее обучение.
- Как?
- С вопроса. – Юрий обернулся. – А вернее, с трех вопросов. За каждым откроется новый слой правдивой информации.
- О чем?
- О человеческом роде. Прежде чем решать проблему, ее необходимо уяснить. Ответы находятся в этом зале.

Дезмонд обвел взглядом полки. Книги по различным наукам и истории, биографии известных людей. А еще тома без названий. В углу на возвышении он заметил компьютер. Цифровой каталог?

Дезмонд усмехнулся:

- Значит, достаточно прочитать все эти книги, и я прозрею?

Юрий не поддержал шутливый тон, ответил серьезно:

- От простого чтения мало проку.
- Почему?
- Ты пока не знаешь, что искать.
- И что же я должен искать?

– Ответ на крайне странную загадку. – Юрий подошел к карте мира и указал на Африку. – Шесть миллионов лет назад в Африке появилась на свет человекообразная обезьяна. Нам определенно известна одна подробность – детенышей у нее было больше одного. Все люди ведут род от одного из них. Все шимпанзе – от еще одного. Невероятно, да? Наш общий с шимпанзе предок жил шесть миллионов лет назад, а наши геномы совпадают на 98,8 %. За миллионы лет отклонение в геномах составило всего 1,2 %. Вот какую невероятную разницу может вызвать даже крохотное количество генов.

Юрий посмотрел на карту.

– Дальше – больше. Два с половиной миллиона лет назад появляется первый человек – член рода *Homo*. Тоже в Африке. Он прозябал целых полмиллиона лет, прежде чем начал исследовать окрестности – сначала Кавказ и Ближний Восток, потом Европу и Азию.

Неандертальцы появились полмиллиона лет назад – считается, что в Европе. В конце концов они мигрировали в Азию, где сотни тысяч лет существовали бок о бок с *Homo erectus*, возможно даже, пользуясь теми же самыми орудиями и охотясь на ту же самую дичь.

Наш конкретный вид сложился двести тысяч лет назад, опять же в Африке. Только представь себе: в то время повсюду в Европе и Азии жили иные человеческие виды. Эти другие люди просуществовали два миллиона лет. Поначалу наш вид ничем не выделялся. Мировой порядок ничего не нарушало. А семьдесят тысяч лет назад начали происходить интересные вещи. Наш вид изменился, у нас появилось определенное преимущество. Небольшое племя начинает свой поход в Африке и захватывает всю планету, чего никто до них не делал. Остальные человеческие виды вымирают. Мегафауна исчезает. Мы перекраиваем облик мира. Однако самое неординарное событие происходит сорок пять тысяч лет назад у тебя на родине.

- В Австралии?

– Да. До этого нога человека не ступала на Австралийский континент. На то имелись причины – он находился в изоляции, был отрезан от прочей суши участком океана шириной не меньше шестидесяти миль, причем никаких карт тогда не существовало, никто не знал, в какую сторону плыть и найдутся ли по пути какие-нибудь острова.

Юрий указал на небольшой остров в Соломоновом море у восточной оконечности Папуа – Новой Гвинеи.

– Остров Бука. Его отделяют от берега сто двадцать миль океанских просторов. Там обнаружены человеческие останки, которым тридцать тысяч лет. Только вообрази: группа людей тридцать или сорок тысяч лет тому назад уже умела делать лодки и плавать на дальние расстояния в открытом океане. На тот момент на земле вряд ли изобрели что-либо более совершенное. Эти люди были самыми продвинутыми. Как если бы кто-то высадился на Луне в начале восемнадцатого века, в то время как весь остальной мир еще бороздил моря на деревянных судах.

Дезмонд внимательно посмотрел на карту.

– Так в чем загадка?

– Загадка в том, что с ними стало потом.

Дезмонд промолчал, ожидая продолжения.

– Сорок пять тысяч лет назад они находились на передовом рубеже человеческого прогресса, опережали других на световые годы. Но когда в Австралию в 1606 году приплыли голландцы, потомки первопроходцев владели примитивную жизнь охотников-собираателей. Они даже не удосужились изобрести сельское хозяйство или письменность. Вот тебе первый вопрос, Дезмонд. Что с ними приключилось?

* * *

Сидя в фургоне на обочине Сэнд-Хилл-роуд, Коннер следил за показаниями датчика частоты пульса. За последние несколько минут пульс успокоился.

– Что это было?

Доктор Парк оторвался от экрана лэптопа.

– Полагаю, мы наблюдали психологическую реакцию пациента на возвращение воспоминаний.

– Значит, он теперь все вспомнил?

Парк вскинул руки.

– Не знаю.

– Почему?

– Ну-у, во-первых, я этим никогда раньше не занимался. Я слежу за его энцефалограммой. Он определенно находится в РБС.

– РБС?

– В режиме быстрого сна. Это такой период сна, когда проявляется картина альфа- и бета-волн мозга, а также идет десинхронизация...

– Не надо читать мне лекции о мозговой активности. Лучше скажите, что с ним происходит.

– РБС – уникальное состояние сна. Организм фактически парализован. Человеку снятся яркие, образные сны. Мы запоминаем только те сны, которые нам снились в этот период.

– Вы хотите сказать, что его память восстанавливается – наподобие сна, который он потом запоминает?

– Таково мое предположение. Возможно, имплантат стимулирует сновидения – так мозгу удобнее вернуть себе память. Процесс ему хорошо знаком.

– Значит, можно определить и момент, когда воспоминание закончилось?

– Гипотетически – да. Если мы увидим перемену в картине мозговых волн, можно уверенно предположить, что память прокрутилась обратно.

– Отлично. Сообщите мне, когда появится заставка.

Чтобы выяснить, что вспомнил брат, его придется накачать медикаментами и допросить. Оставалось лишь надеяться, что ключ к обнаружению «Rendition» действительно спрятан в его памяти.

В окно Коннер заметил два бронетранспортера, движущихся по Сэнд-Хилл-роуд в сторону Стэнфорда и Пало-Альто. Минуту спустя проехала колонна машин с тремя «хаммерами» во главе. Из-за брезентовых тентов выглядывали солдаты, между коленей – автоматические винтовки.

Отказ интернета возымел именно тот эффект, на который рассчитывал Коннер, – полный хаос. Это позволяло выиграть время.

Глава 7

Пейтон прищурилась от яркого света фонаря на шлеме, заслонила ладонью.

В тесную рубку вошел «морской котик». Его губы шевелились, но канал связи не воспроизводил звук.

Лин поднесла руку к шлему, переключила канал и что-то ответила. Пейтон тоже переключилась на первый канал.

– ...только что передали, – послышался обрывок фразы.

– Хорошо, – ответила Лин.

– Будем осматривать еще одну каюту?

– Нет. Опечатайте все как положено и приготовьтесь к отходу. На сегодня хватит.

Лин обернулась и показала Пейтон четыре пальца. Пейтон вернулась на четвертый канал.

– Продолжим?

Дочь взглянула на покрытое морщинами лицо матери.

– В чем назначение твоего собственного «Зеркала»? «Кроличьей норы»?

– В двух словах трудно сказать...

– От нее кто-нибудь пострадает?

Лин скорчила предосудительную мину.

– Нет. Это не так работает.

– А как?

– «Кроличья нора» заставит нас переосмыслить представления обо всем на свете.

Как и многие другие дети, Пейтон выросла, принимая материнские слова на веру. В ее семье, если Лин Шоу о чем-либо высказывалась, ее суждение считалось неоспоримым. В подростковом возрасте Пейтон не дерзила, вела себя тихо, сидела, уткнувшись в книги, играла в одиночку. Она не привыкла конфликтовать. Этим отчасти объяснялся ее интерес к эпидемиологии. Вирусы и бактерии вредили человеку, но размеры их были микроскопическими. Борьба с ними не выглядела ни грандиозной, ни вызывающей, однако стоила многого. Очень многого.

И вот наступила минута, когда пришлось надавить на мать. Пейтон требовалось знать, что их действия тоже чего-то стоят и дадут обещанный матерью результат.

– «Кроличья нора» остановит Юрия и «Китион»?

– Если мой расчет верен, они будут нейтрализованы.

– И это поможет мне вернуть Дезмонда?

– Нет. Вернуть его помогу я. Даю слово, Пейтон. Мне известно, что для тебя значит Дезмонд. И я хорошо знаю, каково терять близкого человека в положении, на которое ты не в состоянии повлиять.

От намек на отца у Пейтон защемило сердце. Лин, однако, продолжала с невозмутимым видом:

– Мы доведем дело до конца. Вместе.

* * *

Счетчик глубины погружения отсчитал показания до нулевой отметки. В батискафе не было иллюминаторов, однако компьютер с плоским экраном передавал картинку с шести камер за бортом – одной сверху, одной снизу и с двух на каждом боку. Наверху показалась и ушла вниз толстая корка льда. Батискаф тряхнуло, когда он выскочил на поверхность.

Едва ступив на палубу, Лин отстегнула шлем. Над палубой висело белое облако из сигаретного дыма и пара, вырывавшегося из глоток русских матросов на арктическом воздухе.

Голоса моряков и членов научной группы сливались в неразборчивую монотонную какофонию. С верхней палубы светили прожекторы, напоминающие четыре луны за облачным слоем чужой планеты. В шуме и гаме Пейтон разбирала отдельные фразы – ученые обсуждали, следует ли покинуть корабль или остаться. Что-то произошло.

Лин подошла к моряку ВМС США, который управлял подъемом батискафа на борт «Арктики».

- В чем дело, старшина?
- Интернет не работает, мэм.
- Неполадка с нашей стороны?
- Никак нет, мэм.
- Уточните.

Моряк оторвал взгляд от приборов.

- Пятнадцать минут назад пропала связь со спутником.
- С нашим или с русским?
- С обоими.

Глаза Лин забежали из стороны в сторону, словно при скоростном чтении.

– Канал связи работает, просто с другого конца не поступает сигнала. Оперативное управление по работе в глобальной сети, «Рубикон» – все потухло...

Лин повернулась на каблуках и крикнула:

– Васильев!

Кряжистый русский офицер отделился от толпы, на лице – озлобление.

– Объявляйте тревогу! – выкрикнула Лин.

Васильев смущенно остановился.

– Немедленно! На нас совершено нападение!

Лицо моряка посерьезнело – картина в его уме прояснилась. Он отцепил с пояса рацию и поднес ее к губам, однако не успел произнести ни слова.

Палубу потряхнуло от мощного взрыва. Прожекторы погасли, зажглись мигающие желтые аварийные фонари, но и они потухли, когда рванул второй заряд. Грохот второго взрыва затих не сразу, прокатился по массивному кораблю словно гром.

Толпа на палубе враз зашевелилась. Матросы бросились по своим боевым постам. Пейтон показалось, что в темноте раздались ритмичные винтовочные выстрелы. Порыв ветра унес пелену сигаретного дыма и пара, словно пыль. Как только вид прояснился, Пейтон заметила, что все замерли на своих местах и смотрят на вертолет, стоящий на верхней палубе. Его лопасти вращались. Видя, как ускользает последняя надежда на спасение, моряки разразились ругательствами.

Голос Лин почти потонул среди этих криков:

– Назад!

Вертолет взорвался, разбрасывая пламя и обломки. Взрывная волна сбила Пейтон с ног. На нее сверху упали два моряка. Не будь на ней толстого скафандра, удар о палубу и вес чужих тел раздавил бы ее в лепешку. В ушах зазвенело, по лицу стекла струйка крови. Пейтон сообщила, что кровь не ее, она капала откуда-то сверху, с одного из упавших на нее мужчин. Из лица мужчины торчал металлический обломок.

Пейтон напрягла все силы и столкнула с себя обмякшее тело. Выгнула спину и попыталась сдвинуть второе тело, но моряк был слишком тяжел. Раскачиваясь на локтях, она кое-как выкарабкалась из-под него. Затем проверила пульс лежащего. Он был мертв.

Палуба напоминала сцену из фильма ужасов. Тела валялись кучами в неестественных позах, словно кто-то второпях рассыпал коробку спичек. В обугленных останках вертолета трещало пламя, нижнюю палубу застилал черный дым. Несколько моряков зашевелились, поднимаясь как зомби из открытых могил на фоне лиловых сполохов северного сияния. Их губы

шевелились, но Пейтон не могла слышать ни слова. Кругом – тишина. Нет, не тишина – глухой звон. Пейтон тряхнула головой и подползла к лежащему рядом человеку. Мертв.

Еще один рядом был жив.

Она окликнула мужчину, который только что поднялся на ноги поодаль. И не услышала звука собственного голоса. Вставший бросился к спасательной шлюпке и начал ее отвязывать.

Пейтон постаралась сосредоточиться. Ученые остались в трюме, в темноте. Надо предупредить их, помочь выбраться наружу. Спасти данные.

Что еще?

Мать!

Лин Шоу лежала в трех метрах и не двигалась.

Шатаясь, Пейтон подошла к ней, вздрагивая, когда ноги натыкались на лежащих. Шевелились, реагируя на толчки, лишь немногие.

Пейтон взяла в ладони лицо матери, положила два пальца на сонную артерию, чуть нажала и в тревоге стала ждать...

Под пальцами слабо бился пульс.

Глаза Лин оставались закрытыми, однако дыхание начало учащаться. Она приходила в себя. Пейтон не могла ждать. Матери не угрожала смерть, остальное подождет.

Обернувшись, Пейтон осмотрела палубу в поисках своего шлема. Он по-прежнему лежал у батискафа, где она его сняла. Пейтон снова надела шлем и включила фонарь.

Осторожно ступая, подошла к ближайшему люку. Нашупав лестницу, спустилась вниз.

В коридорах царила темнота, нарушаемая лишь светом фонаря на шлеме Пейтон. Обстановка напоминала ей «Бигль», не хватало только ледяных кристаллов и хлопьев пыли. Неужели и «Арктику» ожидает ледяная могила на дне океана? А может быть, нападающие хотели заполучить только данные и артефакты?

Постепенно вернулся слух. Отовсюду доносилось эхо голосов и шагов. Ей пришлось несколько раз останавливаться, чтобы пропустить мимо себя русских моряков. Вскоре коридоры заполнились людьми. Пейтон ощущала себя шариком внутри автомата для игры в пинбол, ее безудержно бросало из стороны в сторону.

Она почти добралась до трюма, как вдруг чья-то рука схватила ее за плечо, оттащила назад и прижала к стене.

Свет фонаря чужого шлема ослепил Пейтон.

Это была ее мать.

Щиток на шлеме был поднят, Лин запыхалась, судорожно пытаясь отдышаться. Пейтон подняла щиток на своем шлеме, чтобы лучше слышать.

– Мы должны... – Лин наклонилась вперед и уперла руки в колени, – ...покинуть корабль.

– Мам, а как же ученые, данные?..

– У нас нет времени. Они потопят корабль.

– Кто они?

– Юрий.

– Он здесь?

Лин покачала головой. Она наконец сумела отдышаться.

– Это сделали его люди. Я точно знаю.

Из-за угла появились два луча и вдруг остановились.

– Доктор Шоу! – воскликнул мужской голос.

Женщины обернулись.

На губах мужчины заиграла улыбка.

– Оба доктора Шоу, как я вижу.

Незнакомцы были одеты в рабочую форму ВМС США. Пейтон узнала пустынный камуфляж, выдаваемый исключительно «морским котикам» и другим военнослужащим, приписан-

ным к спецвойскам флота. Кроме того, на них были шлемы с лампами, бронекompлект и зимняя экипировка. С плеча свисали автоматические винтовки.

– Лейтенант Стоктон, мэ, – представился первый. Кивком головы он указал на спутника. – Главный старшина Бромит. Нам приказано эвакуировать вас с корабля.

Лин смерила офицера внимательным взглядом, но ничего не сказала. Пейтон почувствовала, что она колеблется.

– Боюсь, времени у нас в обрез, доктор Шоу. Предлагаю вам и вашей дочери следовать за нами.

К удивлению Пейтон, Лин пошла за офицерами. Не зная, как поступить, Пейтон последовала ее примеру.

С каждым шагом в коридоре становилось все теснее от людей. Мимо пробегали русские моряки с фонариками. Члены отряда биологов пытались найти выход, светя мобильными телефонами. Археологи в белых костюмах толпились в переполненных коридорах, некоторые из них держали над головой светодиодные лампы и карандаши.

Голос Лин едва различался на фоне топота.

– Куда мы идем, лейтенант?

– Это экстренная эвакуация. Я не имею права вам говорить.

– По чьему приказу?

– Прямое распоряжение центрального командования. Приказ на случай чрезвычайной ситуации. Вы двое – важные персоны.

Бромит полез вверх по лестнице. Лин и Пейтон последовали за ним, Стоктон прикрывал их сзади. Они не останавливались, пока не выбрались на главную палубу из люка, расположенного посреди корабля с противоположной от батискафа стороны. Повсюду русские моряки спускали на воду шлюпки, грузили в них погибших товарищей. Их действиями руководил офицер, выкрикивающий в мегафон команды на русском.

Стоктон указал на канат, привязанный к внешним поручням.

– Спускайтесь за борт.

Пейтон заглянула вниз. В свободной ото льда лунке, метрах в пятнадцати качался погружаемый аппарат размерами чуть больше батискафа «Арктики».

– Откуда вы прибыли, лейтенант?

– С еще одного ледокола, мэ. Он рядом. Нам действительно пора уходить.

Корабль дернулся, словно внутри него что-то прорвало. Переборку?

Пейтон взглянула на ватерлинию, уровень воды поднимался по корпусу к палубе. Могучий ледокол тонул.

Стоктон сделал шаг к Лин.

– Доктор, я настаиваю.

– Ладно. – Лин указала на канат. – Пусть старшина спустится первым, испробует канат на прочность.

Стоктон покачал головой:

– Сначала дамы.

– Нет, лейтенант. Старшина пойдет первым. Когда он спустится до половины, пойду я, за мной – Пейтон, а вы – последним. Будете прикрывать нас, как в коридоре. – Она сделала паузу. – Или вам придется бросать меня за борт.

Стоктон улыбнулся, кивнул старшине. Тот перекинул ноги за поручни, схватился за канат и начал спускаться.

Подходя к поручням, Лин сунула руку в карман костюма. С невероятной быстротой она обернулась к лейтенанту. Удар пришелся прямо в пах под бронежилетом. Раздались характерные щелчки электрошокера. Стоктон задрожал и повалился на палубу. Он вскрикнул, с размаху ударившись лицом.

Лин выхватила из ножен на икре Стоктона боевой нож и полоснула им по канату. Канат выдержал и только зазвенел, как скрипичная струна на одинокой ноте. Бромит, который успел спуститься на десять метров, начал немедленно подниматься вверх.

Пейтон хотела было броситься наутек, но услышала скрип – Лин пыталась перепилить канат зазубренной стороной ножа.

– Мама!

Лин даже не подняла головы.

Бромит лез вверх, тяжело дыша, быстро перебирая руками. До палубы оставалось шесть метров.

От каната начали отделяться волокна, но времени, чтобы его перерезать, явно не хватало.

Над головой женщин взлетели в небо сигнальные ракеты – русский экипаж ледокола звал на помощь.

Бромит начал раскачиваться как маятник, пытаясь поравняться с поручнями. С каждым взмахом он взлетал все ближе, еще один-два захода, и он ухватится за поручни.

– Мама!

Лин бросила быстрый взгляд в сторону Пейтон, повернула нож лезвием вниз и рубанула по канату. Канат наконец лопнул. Бромит рухнул на лед. Он упал у самой кромки воды на ледяной настиле толщиной три с половиной метра. Кости хрустнули при ударе. Старшина вскрикнул, взмахнул руками и попытался удержаться на скользком льду. Он съезжал вниз, в воду.

В десяти метрах от него открылся люк подводного аппарата, высунулась голова. Человек заметил Бромита и с выражением ужаса на лице проследил, как тот съезжает в ледяную воду, едва способный пошевелиться из-за переломов. Бромит успел издать лишь нечленораздельный хрип, вода Северного Ледовитого океана заполнила его гортань.

Боевик в люке ПА с ненавистью посмотрел вверх и, достав пистолет, сделал несколько выстрелов. Первая пуля угодила в поручень ниже места, на котором стояла Лин.

Мать Пейтон отскочила от борта и крикнула:

– Противник!

С кормы по узким сходням хлынула толпа моряков. Они открыли огонь по подводному аппарату, пули застучали по его корпусу, боевик спрятал голову в люк.

Стоктон застонал, протянул дрожащую руку и ухватился за ограждение из металлического троса. Он подтянулся к краю палубы, частично парализованные ноги дрожали.

Лин бросилась к нему, но опоздала – лейтенант скользнул за борт и лицом вниз съехал по корпусу, как по гигантской водяной горке. Плюхнувшись в ледяную воду, он вскрикнул.

Из ПА выскочил еще один человек, поливая сходни огнем из автомата. На палубу выскочило еще несколько русских матросов, они тоже открыли стрельбу. Подводный аппарат оказался под перекрестным огнем, пули летели и с кормы, и с полубака.

Лин схватила дочь за руку и потащила ее к люку.

– Беги!

– Мама!

– Шевелись, Пейтон! Или нам конец!

Лин захлопнула крышку люка и повернула запорное колесо. Женщины начали пробираться по коридору, освещая путь фонарями на шлемах.

Они вышли на заднюю палубу, усеянную мертвыми телами и обломками взорванного вертолета. Вокруг спусковой платформы толпились люди – биологи в арктическом снаряжении и не успевшие сменить свои белые халаты археологи, все они размахивали руками. Тут Пейтон поняла то, о чем ее мать, очевидно, догадалась с самого начала: с тонущего корабля можно было спастись только двумя способами – на шлюпках или в батискафе. Со шлюпок можно высадиться на лед, но тогда выжившим пришлось бы противостоять стихии, не имея за душой ничего, кроме палаток и зимней одежды. Если помощь запоздает, они будут обречены

на верную смерть. Батискаф представлялся Пейтон ненамного лучшим вариантом, но ее мать явно сделала выбор в его пользу.

Лин соединила ладони клином и врезалась в толпу.

Шесть «морских котиков» за приборами управления сдерживали толпу, взяв ученых на прицел. Они знаками пригласили Пейтон и Лин пройти в батискаф и немедленно сомкнули за ними ряды. Найджел Грин прижимал к груди повыше округлого брюшка сумку с документами.

– Лейтенант! – обратилась Лин к военному с двумя серебристыми полосками на отвороте.

– Слушаю, мэм, – ответил тот, не оборачиваясь. – Я прикинул, что вы решите выбрать батискаф.

– Кто с нами? – невозмутимо спросила Лин.

– Вас будут сопровождать Адамс и Родригес, мэм. Они лучше всех знают «Бигль». Мы прикроем ваш отход.

«С какой стати охрана должна хорошо знать «Бигль»?» – подумала Пейтон. И тут же сама догадалась: потому что на поврежденную субмарину могут явиться люди с подводного аппарата. За ними могли устроить погоню и вынудить их к поединку на борту «Бигля».

– Сегодняшний героический поступок – ваш и ваших людей – не будет забыт, лейтенант, – сказала Лин. – Даю вам слово. – Она повернулась к Найджелу: – Доктор Грин, прошу вас.

Биолог быстрыми мелкими шажками вошел в батискаф. Заметив это и поняв, что их единственный шанс на спасение вот-вот ускользнет, толпа взревела и ломанулась вперед. «Морские котики», осаживая толпу, стали стрелять в воздух.

Взгляд Пейтон выхватывал из массы людей лица, искаженные отчаянием и страхом. Она была хорошо знакома с этими эмоциями, наблюдала их множество раз во время эпидемий – в хижинах, ветхих лачугах, полевых больницах. Но это не тот случай. Как эпидемиолог, она бы сделала все возможное, чтобы помочь обреченным. Если надо, рисковала бы собственной жизнью. Пандемии сталкивали людей с силами природы, в схватке за жизнь все были заодно, такую борьбу она понимала и принимала. А здесь... она спасала свою жизнь за счет других, обрекая их на смерть. Либо она, либо они. Это неправильно.

Пейтон остановилась, наблюдая, как ее спутники садятся в батискаф.

– Пейтон! – Голос матери щелкнул, как хлыст. – Нам пора. Люди рассчитывают на тебя. – Она подошла ближе. – Без тебя им не выжить.

Внутренним взором Пейтон увидела перед собой лица Дезмонда, брата Эндрю, сестры Мэдисон. Словно в трансе, она двинулась к батискафу, машинально спустилась по лесенке, слыша, как за ней следом спускаются ее мать и двое «морских котиков», как закрывается люк и батискаф опускается под воду.

В голове крутилась одна-единственная мысль: «Мы бросили их на верную смерть».

Мать, похоже, все поняла. Лин наклонилась вперед и заглянула дочери в глаза.

– Послушай. Эта ситуация возникла не по нашей вине. – Лин сделала жест в направлении поверхности. – Это сделали они, Юрий. Они потопили корабль и убили наших людей. И это лишь начало. Ты уже видела, на что они способны. Мы обязаны выжить хотя бы по одной причине – чтобы остановить их. Если мы позволим эмоциям омрачить наш рассудок, если сделаем неверный шаг, если они поймают и убьют нас, пострадает гораздо больше людей.

Лин на минуту замолчала.

– Приходится выбрать меньшее из зол. Ты меня понимаешь?

Пейтон кивнула:

– Понимаю. Но все равно противно.

– Еще бы. Я бы удивилась, если бы ты отнеслась к тому, что мы сейчас сделали, со спокойной душой. – Не оборачиваясь, Лин позвала: – Доктор Грин?

– Мэм?

– Доложите.

Доктор шумно вздохнул:

– Я выполнил инструкции на случай чрезвычайной ситуации. У меня с собой последний набор данных и схема субмарины.

– Хорошо. Главный старшина Адамс!

– Да, мэм?

– Необходимо подготовить план обороны «Бигля» от внешнего вторжения. Если я не ошибаюсь, нам вскоре предстоит схватка не на жизнь, а на смерть.

Глава 8

Коннер вытянулся на раскладушке внутри фургона. Припаркованная у обочины Сэнд-Хилл-роуд машина не привлекла внимания объединенных сил Национальной гвардии, Сухопутных войск, FEMA и ВМС. Этим частям скопом присвоили маркировку X1 – другие ярлыки не прижились.

Рядом на больничной койке лежал Дезмонд. Ритмичные звуки приборов, следящих за состоянием брата, убаюкивали.

Переговоры на полицейской частоте свидетельствовали о победе «Китиона» над миром и начале второй американской гражданской войны. В голосах служащих Национальной гвардии и полиции с каждым часом нарастали нотки напряженности и тревоги.

– Вооруженный противник продвигается по Эль-Камино-стрит. Прошу выслать подкрепления.

– В стэнфордском лечебном приюте начались беспорядки.

– Горит магазин «Треjder Джо» на углу Эмбаркадеро и Альма. Пришлите пожарные расчеты.

Ввиду младенческого возраста Коннер не помнил опаливший его душу и обезобразивший тело пожар, но след пожара остался с ним на всю жизнь. Такого не пожелаешь и врагу. Всякий раз, когда по рации сообщали, что где-то горит, в душе Коннера шевелился страх. Хотелось убежать, спрятаться где-нибудь подальше, в надежном месте, где его не достанет огонь.

И единственным таким местом было «Зеркало».

Лицо доктора Парка подсвечивал экран ноутбука.

– Состояние?

– Воспоминание пока не закончилось.

– И долго это будет продолжаться? Мы скоро окажемся в зоне боевых действий.

– Ага, сам слышу...

– Следите за речью, а не за слухом, доктор, не то я отключу вам ненужные в деле органы чувств.

Доктор Парк проглотил обиду и перешел на нейтральный тон:

– Я слежу за мозговыми волнами пациента, пытаюсь разработать алгоритм, который позволит нам определить примерное время окончания воспоминания.

Так-то оно лучше. Коннеру требовалось знать время возобновления движения вплоть до секунды. Он чувствовал, что этот момент вот-вот наступит.

* * *

На столах в библиотеке громоздились стопки книг. Сияющий свет семиярусной люстры заливал все три этажа гигантского помещения. Дезмонд, почесывая лоб, сидел за длинным столом рядом с окнами. Рядом с книгой по истории лежал заполненный рукописными пометками блокнот.

За стеклом искрился залив Сан-Франциско, но Дезмонду было некогда любоваться видом. Переступая через порог библиотеки, он только и делал, что размышлял о загадке Юрия. Почему первобытные австралийцы отстали в своем развитии от остальных народов мира?

Считается, что пятьдесят тысяч лет назад они были наиболее технически продвинутыми обитателями Земли. Плавали на огромные расстояния в открытом океане на примитивных лодках, без карт добрались до берегов Австралии – части суши, на которую прежде не ступала

нога человека – и освоили весь континент. А потом прогресс вдруг застопорился. Словно они угодили в искривленное время-пространство, и остальной мир двинулся дальше уже без них.

Дезмонд целыми днями штудировал тома по эволюции и истории, и в конце концов у него появилось подобие рабочей теории.

Он встал и прошелся по библиотеке, разминая ноги. Порой, когда надо было подумать, или мысли не лезли в голову от усталости, он прогуливался вдоль стеллажей с книгами. Дезмонд поднялся по винтовой лестнице на второй этаж, сделал круг по подковообразному балкону и перешел на третий этаж.

Его взгляд привлек ряд томов в кожаном переплете с названием «Архив конклавов «Китиона». Дезмонд открыл первый том собрания. В нем содержались сканированные копии документов, очень старых на вид, – пожелтевшая бумага, выцветший рукописный текст. Оригиналы были на латыни, каждый из них сопровождался на обороте страницы английским переводом. Дезмонд отнес том к столу и принялся читать. Затем вернулся за вторым, третьим...

Записи подробно освещали встречи, продолжавшиеся более двух тысячелетий. Конклавы проводились ежегодно, на них съезжались лучшие мыслители мира. Документы воспроизводили дебаты о природе бытия, назначении человеческого рода, его происхождении и судьбе.

Свою первую встречу орден «Китион» устроил в 268 году до нашей эры на одноименном греческом острове. Конклав вел основатель ордена, Зенон, один из главных философов своего времени. Список участников выглядел как биографический справочник Древнего мира. На встрече присутствовал сам Архимед, хотя ему в ту пору было всего девятнадцать лет.

С главной речью выступил Аристарх Самосский. Он заявил, что Земля не является центром вселенной, как повсеместно считалось в то время. В центр он поместил солнце, ссылаясь на труды греческого философа пифагорейской школы, досократика Филолая, жившего за сто лет до Аристарха. Филолай предполагал, что Земля, Солнце и Луна вращаются вокруг некоего Центрального огня.

Однако Аристарх на этом не остановился. Он не только определил, что Солнце и есть тот самый Центральный огонь и центр всей Солнечной системы и что Земля движется по циклической орбите, но первым предположил, что звезды находятся на гигантских расстояниях друг от друга, а вселенная намного больше, чем все считают. Он даже высказал мысль, что Земля вращается вокруг своей оси и период одного оборота составляет ровно сутки.

Дезмонд был поражен. Он всегда считал, что гелиоцентрическая теория Солнечной системы берет начало с Коперника и Галилея. Выходит, Аристарх Самосский доказал истину с помощью математических расчетов за 1800 лет до Коперника. Коперник даже ссылался на Аристарха в первой редакции своей книги, однако эту ссылку перед публикацией убрали.

Увы, оригинальный труд Аристарха не сохранился. Он был наиболее хорошо известен по упоминанию у Архимеда. В письме тирану Гелону под названием «Псаммит, или Исчисление песчинок» Архимед писал: «Аристарх Самосский в своих «Предложениях» приходит к заключению, что мир гораздо больших размеров, чем только что указано. Он полагает, что неподвижные звезды и солнце не меняют своего места в пространстве, что Земля движется по окружности около Солнца, находящегося в его центре»⁶.

Галилео Галилей, родившийся через двадцать один год после смерти Коперника, восстановил заслугу Аристарха, показав, что именно он был первооткрывателем гелиоцентрического характера Солнечной системы. Галилей назвал Коперника «человеком, обновившим и подтвердившим» эту гипотезу. Гелиоцентрическая теория не замедлила навлечь на Галилея гнев Римской инквизиции, которая продержала ученого под домашним арестом до самой смерти.

⁶ Цитируется по изданию «Архимед. Исчисление песчинок (Псаммит)», Москва-Ленинград, 1932-г., в переводе проф. Г. Н. Попова.

Вскоре стало ясно, что речь Аристарха Самосского о гелиоцентризме задала тон всем будущим конклавам «Китиона» и деятельности самой организации. Это общество было открыто смелым идеям, какими бы радикальными они ни выглядели. Значение имели лишь доказательства и свобода обсуждения. Орден не возводил человечество на пьедестал, не считал его венцом божественного творения, но видел себя частью вселенной, требующей объективного изучения и понимания. Превыше всего в нем ценился поиск истины.

Дезмонд корпел над архивами, наблюдая, как с годами и столетиями развивалось мышление соратников. Некоторые теории они отбрасывали, другие со временем не оправдывались, и мало-помалу начинала складываться главная, всеобщая теория: вселенная – единый организм, люди – только часть вселенной, у которой, однако, имеется важная роль. Мыслители считали, что возникновение и конец вселенной как-то связаны между собой и что связь эта, по сути, неизбежна. Главной в этой теории была мысль о том, что у вселенной есть некий энергетический источник – процесс либо сущность, которые направляют ее развитие от истока к реализации ее предназначения. Эту силу они называли «солнце-невидимка».

Дезмонд читал, как замороженный, его разум раскрывался с каждым прочитанным томом.

С 1945 года настрой заседаний изменился. Если прежде члены «Китиона» занимали созерцательно-выжидательную позицию, то теперь они начали беспокоиться, настаивать на переходе от теории к действиям. Конклавы стали созывать не раз в год, а каждый квартал. Внимание сосредоточилось на экспериментах, приоритет был полностью отдан созданию «Зеркала». С каждым заседанием осуществление плана по созданию загадочного устройства становилось все более экстренным. В 60-е годы, когда СССР и США накопили столько ядерных зарядов, что могли многократно уничтожить всю жизнь на планете, члены «Китиона» буквально возопили о переходе к действию. Члены организации, подарившие миру ядерную бомбу, не сомневались в грядущей гибели человечества. Им отчаянно хотелось искупить вину.

В 1965 году в Гонконге группа членов ордена спустила на воду «Бигль». С этого момента участники экспедиции на «Бигле» ежегодно докладывали конклаву о своих находках. Открытия шокировали Дезмонда. Ему казалось, что он сидит в Александрийской библиотеке⁷ и читает давно утерянные анналы, полные откровений, способных навсегда изменить облик мира.

В 1986 году без каких-либо объяснений записи «Китиона» прервались.

* * *

Юрий навещал Дезмонда три раза в неделю, обычно по вечерам. Сидя у окна с видом на залив, они играли в шахматы. Свет фар проезжавших по мосту Золотые Ворота автомобилей светлячками скользил по воде.

– Я хотел бы дочитать архивы «Китиона» до конца, – попросил Дезмонд.

Юрий съел коня Дезмонда ладьей и вопросительно шевельнул бровью.

– Записки, сделанные после 1986 года, – пояснил Дезмонд.

– Они не существуют.

Дезмонд откинулся назад в кресле.

– В жизни не встречал менее разговорчивого человека, чем ты.

С учетом того, что Дезмонд вырос на попечении Орвиля Хьюза, сравнение было нешуточным.

Юрий погладил пальцем только что взятого коня.

⁷ Одна из крупнейших библиотек древности, существовавшая в античной Александрии с III в. до н. э. до IV в. н. э. – Прим. пер.

– Я вырос в таком месте, где лишнее слово и даже неосторожный взгляд могли стоить жизни.

Дезмонд слышал, что Юрий провел детство в Сталинграде – ему было всего шесть лет, когда вторглись немцы. Послевоенные годы он прожил при сталинском режиме. Дезмонд хорошо помнил свои собственные детские годы, он тоже боялся раскрыть рот. От Орвиля прилетали не только ругательства, а кое-что похуже.

– Почему конклав перестал вести записи?

– Ты заходишь не с той стороны.

– То есть?

– Заседания больше не проводились.

– Значит...

– Ты сам читал отчеты и знаешь, что участников одолевал страх.

– Они думали, что времени почти не осталось.

– Да. А проект был не единственным.

– Тогда что случилось?

Юрий опустил коня на стол.

– Твой ход.

Дезмонд двинул вперед пешку, не следя за игрой.

Юрий увел короля из-под удара.

– Произошла трагедия. Своего рода... стихийное бедствие. – Старик на время замолчал. – С тобой, я знаю, так тоже было.

С какой стати Юрий упомянул пожар, уничтоживший семью Дезмонда? Пытается отвлечь? Или он что-то скрывает?

Дезмонд передвинул оставшуюся ладью, чтобы прикрыть короля.

Юрий забрал ее ферзем.

Дезмонд посмотрел на доску и понял, что вот-вот проиграет. Он мысленно пожал плечами. Его больше волновало, почему «Китион» перестал вести архив.

– Ты не туда смотришь.

Дезмонд вновь глянул на доску, однако Юрий указал на него самого.

– Могу лишь сказать, что начиная с 1986 года мы вынуждены прятаться. Хотя теперь недолго осталось...

– Не понимаю.

– «Зеркало» излечит все раны. Даже самые тяжелые ожоги.

* * *

Коннер прислушался к передаваемым на частоте Национальной гвардии командам. В стране был объявлен комендантский час. Все лица, обнаруженные на улице после наступления темноты, подлежали задержанию и доставке в эпидемиологические фильтрационные центры.

Коннер посмотрел в окно. Закат наступит через два часа. Военные занимали исходные позиции, чтобы с наступлением темноты начать прочесывание. Фургоны у обочины Сэнд-Хилл-роуд будут неизбежно обнаружены. Коннеру и его людям надо скрыться до того, как это произойдет.

Иначе придется вступить в бой.

Глава 9

На плоском экране батискафа появился силуэт «Бигля». Обездвиженная субмарина практически вросла в морское дно, словно сама Мать-Земля, схватив ее пальцами, пыталась утащить ее в свои недра. Рядом с Пейтон, прижимая сумку к груди, как спасательный жилет, дрожал Найджел.

– Наша задача номер один – экипировать доктора Грина, – предложила Лин. – В кладовой есть зимняя одежда.

На полу лежала развернутая схема «Бигля». Лин указала на склад, расположенный рядом со стыковочным шлюзом, и повернулась к двум «морским котикам», сидевшим за приборами управления.

– Старшина Адамс, вы и матрос Родригес должны отразить нападение группы захвата. Я полагаюсь на вас. Что мы можем предпринять?

– Надо использовать местные преимущества, – ответил Адамс. – Во-первых, мы хорошо знаем поле боя. Во-вторых, мы можем выбрать в субмарине удобное место для отражения атаки. Если они хотят захватить вас живой, им сначала придется иметь дело с нами.

– А что работает против нас?

– Время и элемент внезапности.

Родригес направил накренившийся батискаф к стыковочному порту «Бигля».

– Им удобно взять нас на измор, – ровным голосом подытожила Лин.

Адамс кивнул:

– Если есть время, то с голодным, ослабевшим противником легче иметь дело. Причем удобный момент они могут выбрать сами. Нам же в то время, как они будут отдыхать и планировать захват, придется постоянно быть начеку.

«Точный анализ обстановки, – подумала Пейтон. – Только хорошего мало».

– Мы тоже подготовимся, – добавил Адамс. – «Бигль» можно превратить в крайне неудобный для них театр боевых действий.

* * *

На погружаемом аппарате «Китиона» капитан второго ранга Ферст следил за видеокартинкой, передаваемой с камеры, установленной на льду. Он все еще надеялся, что Стоктон высунет из воды руку, ухватится за край льда, вылезет на поверхность. Но он не показывался – как будто его парализовало в воде. Стоктон прошел серьезную подготовку к действиям в северных широтах. Что с ним сделала Лин Шоу? Бывшая ученая за пару минут расправилась с двумя членами команды, отлично подготовленными бойцами.

Ферст недооценил эту бабку. Второй раз он ошибки не допустит.

Команда закрепила во льду шесты с аккумуляторными лампами, отчего окрестности выглядели как замерзшая автостоянка. Моряки лихорадочно сбрасывали с палубы «Арктики» припасы, корабль возвышался над водой меньше, чем на три метра. Капитан выкрикивал приказы и тыкал пальцем. Вереница матросов вынесла с борта длинные металлические сходни, закрепила один конец на палубе, а другой сбросила на лед.

С корабля на берег гуськом двинулся поток людей, одетых в чистые белые комбинезоны и гражданскую зимнюю одежду. Они несли свертки и ящики, на которых белыми буквами было выведено «Образцы».

Ферст покачал головой. Вот что для них важнее.

Гражданские начали разворачивать свертки, стелить на лед термоизоляцию и ставить палатки. Они прекрасно понимали: каждая потерянная минута приближает гибель.

Еще одна группа начала резать на полосы красные брезентовые полотнища, прикрывавшие спасательные шлюпки. Развернутые и пришпиленные ко льду железными кольями полосы образовали огромный крест.

Ферст ухмыльнулся. Напрасно стараются.

Его внимание привлек рев двигателя. Из люка на корме выехали аэросани, развернулись на палубе и медленно спустились по рампе на лед.

Командир ПА подождал, надеясь, что лед не выдержит. Но он, конечно, выдержал.

Появились вторые аэросани. Водители закутаны по самый нос. На каждой из машин по два вещмешка, сверху прикручены беспилотник и усилитель радиосигналов.

Ферст сочувственно улыбнулся. Он и русских недооценил. Это, разумеется, не означало, что они выживут, но атаку придется ускорить. Нельзя позволить Шоу отсидеться – их могут спасти.

Лин Шоу убила Стоктона и Бромита, а они были для Ферста как братья. Она жестоко поплатится.

* * *

На борту «Бигля» Лин Шоу открыла дверь кладовой. Замерзшие петли взвизгнули, как попавшее в капкан животное. Лин сняла с полки и передала дочери стопку толстых одеял, затем достала глубоководный костюм и шлем. Массивное снаряжение напомнило Пейтон скафандр Нейла Армстронга, в котором он разгуливал по Луне. «Этому костюму почти столько же лет», – с кривой усмешкой подумала она.

По связи Лин сказала:

– Костюм старый, но выдержит.

Она сама проверила обогреватель и систему подачи кислорода, нажатием кнопки включила лампы на шлеме.

Пейтон удивило, что снаряжение все еще работало. «Сегодня такого уже не выпускают», – подумала она.

Лин присела на корточки, отодвинула пару ботинок от железного ящика и открыла его крышку. В нем хранились пистолеты. Два она сунула в карманы своего костюма, один протянула Пейтон.

– Умеешь им пользоваться?

– Мы... проходили элементарную огневую подготовку.

– И достаточно. Если придется использовать оружие внутри лодки, стрелять будем с близкого расстояния. – Лин бросила взгляд на дочь. Свет фонаря на ее шлеме встретился с лучом фонаря на шлеме Пейтон – так в ночи перекликаются два маяка. – Если до этого дойдет дело, не побоишься нажать на спуск?

В действительности мать спрашивала, способна ли дочь лишить человека жизни. Пейтон не знала. Одна мысль об этом противоречила клятве, которую она принесла, став врачом. Вся ее сущность отвергала убийство.

– Постараюсь.

Лин надолго остановила взгляд на дочери.

– Не забывай: мы сражаемся не только за собственную жизнь, на карту поставлена жизнь других людей.

Мать точно знала, на какие кнопки надавить, чтобы повлиять на Пейтон. С каждым часом, проведенным с матерью, Пейтон подмечала в ее характере новые черты. На ее глазах

Лин Шоу совершила то, чего Пейтон от нее никак не ожидала, убила двух солдат на борту «Арктики». Такие навыки не приобретаются за полчаса, они требуют многолетней тренировки.

Пейтон всегда казалось, что ее отношения с матерью разделены на два периода – до и после рокового дня в 1986 году, когда затонула «Бигль» и пришло известие о смерти отца. До этого дня Лин Шоу была заботливой матерью, веселой женщиной, обожающей детей. Потом стала замкнутой и черствой, погрузилась в глубокую скорбь. Часами занималась генетическими исследованиями. Она заботилась о нуждах троих детей, однако делала это с намеренной холодностью, словно боялась любить, чересчур сближаться. Похоже, ее опасения имели под собой почву. Эндрю, ее старшего сына, забрал Юрий, чтобы она не вышла из повиновения. Лин не стала выходить замуж, даже не пыталась встречаться с мужчинами.

Только сейчас Пейтон узнала правду: все эти годы мать ждала, надеялась, что их отец вернется, что Юрия удастся победить. Наполовину надежда исполнилась – три недели назад Пейтон нашла отца, он прятался с того дня, когда потопили «Бигль». Но через два дня после возвращения он был убит Юрием во время битвы за остров Китион.

Зато они с матерью вернули назад брата, и благодарности Пейтон не было предела. Эндрю жил в Австралии, пытаясь собрать вместе осколки своей жизни. Что из этого выйдет после всего им содеянного, судить было трудно, оставалось только надеяться.

Если прежде Лин Шоу и руководствовалась надеждой, то теперь ее гнала вперед жажда мести. Ей не терпелось завершить исследования и создать устройство в противовес «Зеркалу», но решимость лишить жизни двух человек на корабле ей придала исключительно жажда мести, жгучая ненависть. Ничто иное не позволило бы ей расправиться с ними без малейших колебаний.

Пейтон указала на пистолет в кармане Лин.

– А ты сама-то знаешь, как им пользоваться?

– Да. – Лин вышла из кладовой. – Когда японцы напали на Гонконг, я много чему научилась.

* * *

Примерно в миле от «Арктики» над погребенной на дне океана субмариной погружаемый аппарат «Китиона» маневрировал, чтобы выйти к проруби в ледяном слое. Ферст и его команда проделали ее еще до нападения на ледокол, чтобы докладывать ход операции на корабль-базу «Солнце-невидимка». Прорубь успела подернуться молодым ледком, однако корпус ПА легко пробил его при всплытии.

Когда канал связи был установлен, Ферст произнес:

– «Ледяная жатва» вызывает «Солнце-невидимку», прием.

– Мы вас слышим, «Ледяная жатва».

– Докладываю: гнездо ликвидировано, замечены две птички, летящие на юг на высокой скорости. Рекомендую вести наблюдение и нацепить метку.

– Вас понял, «Ледяная жатва».

– Несколько птичек из разрушенного гнезда перелетели на лед. Предлагаю вмешаться.

– Вас понял, «Ледяная жатва».

– Последняя новость: мама-птичка и ее младшенькая улетели из гнезда. Предположительно, в старое гнездо. Отправляемся туда, чтобы поймать их для дальнейшего изучения.

– Понятно, «Ледяная жатва». Бог в помощь!

* * *

В ста пятидесяти милях от Аляски в Северном Ледовитом океане с выключенными двигателями дрейфовал круизный лайнер. Ни на палубе, ни в каютах не было туристов. «Солнце-невидимка» принадлежало «Китиону». Несмотря на свое обличье, судно вовсе не относилось к разряду круизных лайнеров. Это была плавающая крепость.

В разведцентре ряды мониторов показывали картину ледяного покрова со спутников. Окно видеоискателя перемещалось, пока в нем не появились затерянные в ледяной пустыне аэросани. Через секунду высветилась строка с обновляемыми в режиме реального времени координатами. Еще на одном экране показались вторые аэросани.

Командир корабля Михайлова оценила состояние противника.

– Огонь!

На палубе пол баскетбольной площадки поднялся, словно разводной мост, наружу выдвинулась платформа с двенадцатью ракетами дальнего действия. Две из них взвились в воздух.

Через несколько секунд на экранах проявился результат: два прямых попадания. Михайлова мысленно пожелала: «Лишь бы цели не успели предупредить своих!»

Один из спутников начал менять позицию для наблюдения за обломками «Арктики». До этого они намеренно избегали вести прямое наблюдение, чтобы не выдать подготовку атаки Альянсу.

Примерно через час спутник засек местоположение ледокола. Сам огромный корабль уже скрылся под водой, оставив вместо себя огромную лужу голубовато-зеленой воды. На льду распластался огромный красный крест, на одном из концов которого сгрудились в кучу десятки белых палаток, переливающиеся в свете северного сияния зелеными и пурпурными оттенками. На тихой воде качались четыре спасательных шлюпки.

– Капитан? – спросил офицер управления огнем.

– Две для начала.

За окном рубки в небо устремились еще две ракеты. Когда они попали в цель, картинка на мониторах стала белой.

* * *

Лин пролезла в батискаф, втащив за собой защитный костюм. Найджела сильно трясло.

– Держитесь, доктор Грин. Скоро согреетесь.

Пейтон закутала доктора в несколько толстых одеял. Лин приложила открытый раструб костюма к жерлу электрического обогревателя. Найджел наблюдал за ними, дрожа всем телом.

– Костюм пролежал подо льдом тридцать лет, – пояснила Лин. – Пусть сначала оттает.

Пейтон поплотнее прижала одеяло к телу доктора, помогая согреться.

Через несколько минут Лин забрала костюм с обогревателя и вылила из него талую воду. Скомкав свободное одеяло, она засунула его внутрь, чтобы просушить штанины, рукава и туловищную часть.

Дождавшись, когда Найджел облачится в костюм, они втроем переползли обратно на борт «Бигля», чтобы закончить приготовления. Они герметизировали вход в стыковочный отсек и, вернувшись в кладовую, набили три мешка мотками изолянта и фонариками. В коридорах они собрали с пола светодиодные маркеры и тоже сложили их в мешки. В каютах персонала сложили трупы у стены и сняли с коек все простыни и одеяла – чем их больше, тем легче будет осуществить замысел.

Каждая дверь и каждый люк были задраены. В промежутках между ними на регулярном расстоянии они натянули поперек прохода на высоте щиколоток изолянту – импровизирован-

ный «спотыкач». Двое «морских котиков» установили похожие ловушки, подсоединив некоторые к минам-растяжкам. Главная цель затеи – задержать продвижение противника, притупить его бдительность, заставить ошибиться.

Длинные коридоры они перегородили простынями и одеялами, которые прикрепили изолентой к потолку, полу и стенам. За ними разместили светодиодные маркеры и фонарики. Адамс предугадал, что противник воспользуется приборами ночного видения. Одеяла создают преграду. Если ее убрать, наступающих ослепит яркий свет.

Наконец все собрались в лаборатории, которой было суждено стать последним оплотом, ареной финальной схватки, если до нее дойдет дело.

«Морские котики» молчаливыми кивками приветствовали появление троицы.

На стальном столе лежали сухие пайки. В углу стоял ящик с пистолетами и магазинами – весь арсенал «Бигля». Адамс распорядился ничего не оставлять противнику, даже боеприпасов.

– Что дальше, мистер Адамс? – спросила по рации Лин.

– «Бигль» мы подготовили. Теперь надо подготовиться самим – по очереди поесть, поспать. Быть начеку.

Лин, ничего не ответив, подошла к столу и взяла один из пайков. Подняв защитное стекло, она принялась за еду.

Пейтон последовала ее примеру. Только откусив первый кусок, она поняла, насколько проголодалась.

* * *

Ее разбудил звук грома. В лаборатории горел слабый свет. Родригес сидел, поставив автомат между ног, и наблюдал за узким проходом.

«Откуда здесь взялся гром?» – подумала Пейтон. Значит, грохотало наверху, на поверхности. Бомба или ракета.

Точно! По поверхности нанесен удар. Те, кто спасся с «Арктики», теперь погибли.

Можно было не сомневаться, что боевики «Китиона» вскоре придут по их душу.

Глава 10

Коннер терпеть не мог сидеть в фургоне без дела и ждать, пока к брату вернутся воспоминания. Уже начался комендантский час. Затекли ноги, но бездействие мучило еще больше.

– Я пошел, – пробормотал он.

Гойнс на переднем сиденье обернулся.

– В офис, – пояснил Коннер, вылезая из фургона. – Вдруг Дез оставил там для себя какой-нибудь намек.

Коннер в прошлом посещал здание не один раз. Ключа у него никогда не было, зато он был у Юрия, и тот передал его Коннеру. Он вошел в здание, поднялся по лестнице на третий этаж и толкнул дверь офиса. На стене красовалась эмблема «Icarus Capital» с выпуклыми алюминиевыми буквами. Ниже висел список фирм, в которые Дезмонд вкладывал деньги; каждое название было написано на карточке, вставленной в прозрачный пластмассовый кармашек.

«Rapture Therapeutics», «Phaethon Genetics», «Rendition Games», «Cedar Creek Entertainment», «Rook Quantum Sciences», «Extinction Parks», «Labyrinth Reality», «CityForge», «Charter Antarctica».

Коннер помнил некоторые из инвестиций. Эти фирмы были для Дезмонда как дети. Пару-другую он буквально вынянчил и поставил на ноги в этом кабинете.

С годами Дезмонд расширил офис, захватив и перестроив близлежащие кабинеты, ухаживал за ним, гордился. Теперь же помещение выглядело так, словно по нему прокатился торнадо. Когда Дезмонд оборвал поводок, тактическая группа «Китиона» перерыла его офис сверху донизу, ничего не пропустив. Обивка на креслах испорчена, мягкая начинка выдрана, круглые ножки дешевых столов из IKEA отвинчены, обследованы и валялись кучкой, как серые металлические спички. Даже плитки потолочного покрытия были сняты – сквозь дыры виднелись каналы вентиляционной системы и линии спринклера. Основательно поработали.

Что он мог найти такого, чего не обнаружили до него?

Взгляд Коннера вернулся к списку фирм.

Ага, теперь ясно, где Дезмонд хранит свои памятки!

Коннер подошел к приемной стойке и вытащил полоску бумаги с надписью «Labyrinth Reality». На самой карточке больше не было никаких надписей, но на том месте, откуда он ее вытащил, в гипсокартонной панели зияла дыра.

Коннер включил фонарик и осветил внутрь. К металлической стойке каркаса дома изолентой был прикреплен небольшой предмет – флешка. Коннер внимательно проверил, нет ли там мин-ловушек или проводов сигнализации, затем вытащил флешку, сунул ее в карман и вернулся в фургон.

* * *

Проверив флешку на вирусы, Коннер открыл директорию. В ней имелся всего один файл – Conner.mp4.

Не стереть ли его? Юрий на его месте так бы и поступил и вдобавок сказал бы: «Не отвлекайся на пустяки».

Вместо этого Коннер достал из сумки каплевидные наушники, вставил штекер в гнездо ноутбука и нажал кнопку воспроизведения.

Дезмонд появился на экране – один в салоне личного самолета.

– Если ты не Коннер, – сказал он, – передай ему это видео.

Дезмонд взглянул в окно, словно собирался с мыслями, потом повернулся к объективу.

– Я только что покинул борт «Кентаро Мару». Зря ты мне не доверял. Я не так все хотел сделать, но ты не оставил мне другого выбора. – Говорящий посмотрел с экрана на Коннера. – Я делаю это ради нас обоих и многих других людей. Поверь мне. Прошу тебя, брат. Мне понадобится твоя помощь, чтобы довести то, что я начал, до конца.

Видео закончилось. Коннер вырвал из ушей «капельки» и посмотрел на лежащего Дезмонда, на издающий регулярный писк монитор, отображающий мозговые волны брата. Что он задумал?

* * *

Дезмонд совершенно потерял ощущение времени – спал, ел, делал пробежки, чтобы прочистить мозги и подышать свежим воздухом. Он почти ни на секунду не отрывался от чтения книг в библиотеке с видом на залив Сан-Франциско, конспектирования и мыслей о загадке Юрия. Он нашел ответ и горел желанием сообщить его своему наставнику.

Старик, по обыкновению, прибыл на закате с безмятежным выражением на лице.

– В шахматы?

– Лучше поговорим, – предложил Дезмонд.

Юрий присел.

Секретарша Дженнифер открыла мореные двойные двери и вплыла в библиотеку. Каблучки сначала зацокали по паркету из твердого дерева, но замолчали, когда девушка ступила на старый ковер.

– Кофе? – спросила она. – Ужин?

– Нет, спасибо, – поблагодарил Дезмонд.

Юрий отрицательно покачал головой.

Когда секретарша прикрыла за собой двери, Дезмонд указал на лежащую на столе стопку томов – полное собрание архива конклавов «Китиона».

– Ключ здесь, – сказал он. – Я его нашел.

Юрий вопросительно приподнял брови.

– Ключ к эволюции, естественному отбору. Выживание сильнейших – наименее понятая концепция во всей теории. Выживание определяется окружающей средой. Дело не в том, кто самый крупный или свирепый, а в том, кто наиболее приспособлен к миру, в котором он обитает.

Губы Юрия тронула улыбка, как если бы Дезмонд доверил ему личную тайну.

– Ты прав.

– Вот в чем отличие Австралии.

– Продолжай.

– Она – в изоляции. Разумеется, древние совершили колоссальный подвиг, добравшись до нее, однако потом пошла не жизнь, а лафа. Еды навалом, жизненного пространства хоть отбавляй. Сейчас климат на континенте становится жарче, но в те времена был истинный рай.

Юрий никак не отреагировал.

Дезмонд взял из стопки один из томов.

– Вот еще пример, его обнаружила поисковая группа с «Бигля». Они нашли кости гоминидов на индонезийском острове Флорес. Этот вид людей – *Homo floresiensis* – происходит от совершенно иной ветви родословного древа. Наш последний общий предок умер 1,75 миллиона лет назад. Подобно австралийцам, эти люди были новаторами своей эпохи. Ученые с «Бигля» обнаружили на Флоресе каменные орудия труда, которым 190 000 лет. Еще одна загадка – как они туда вообще попали? Остров Флорес отделяет от ближайшего участка суши целых шесть миль. Выходит, древние люди умели строить плоты или лодки почти двести тысяч

лет назад, если только не перебрались на остров по перешейку, который потом исчез. Как бы то ни было, они проявили предприимчивость и нешуточную смекалку.

– Да, – согласился Юрий, словно наперед зная, к чему клонит Дезмонд.

– Итак, этот вид попадает в изоляцию на остров Флорес площадью пять тысяч квадратных миль, что примерно равняется половине штата Массачусетс. Количество растительной и животной пищи на острове ограничено. Как подмечал Дарвин, люди лучше всего приспособляются, адаптируются к конкретной среде. То есть они стали самыми крупными, быстроногими или самыми сильными. На Флоресе главным преимуществом был малый размер. Ученые с «Бигля» на основании обнаруженных костей подсчитали, что рост флоресских людей в среднем составлял примерно сто пять сантиметров.

– Ты полагаешь, это как-то связано с Австралией?

– Это явления одного порядка – примеры эволюции в изоляции, на двух островах. Обе популяции приспособились к своей среде, которая не требовала от них новаторства. Они достигли равновесия, и... наступил застой.

– Можно сделать вывод, что Земля тоже остров. Остров посреди космоса.

– И она тоже достигнет равновесия. Наступит застой. Потом упадок. Так это и есть твой план? Покинуть Землю?

Юрий ответил не сразу.

– В определенном смысле.

– То есть?

– Вселенная за пределами Земли тоже полна опасностей...

– Допустим...

– Ты хорошо потрудился, Дезмонд. Но ты лишь слегка скользнул по поверхности истины.

– Я удручен. Мне пришлось перерыть половину библиотеки.

– Проблема не в количестве затраченного труда.

– Хорошо, я проглотил наживку. А в чем тогда?

– Ты копаешь не там, где надо.

– Да ну?

Юрий улыбнулся сочувственной, почти отеческой улыбкой.

– Ты должен видеть не только факты, Дезмонд.

Тот лишь повел бровями.

– Наберись терпения. Наш путь долог и труден. И сократить его невозможно. – Юрий махнул рукой на стопку томов архива «Китиона». – Прошло больше двух тысяч лет, прежде чем они полностью осознали истину. Истинное знание не передается – оно приобретается самостоятельно.

– Ладно, – сказал Дезмонд, раскрывая блокнот. – Тогда что ты мне дашь – карту, лопату побольше, еще что-нибудь?

– Задам новый вопрос. Похожие на нас люди появились еще двести тысяч лет назад. Долгое время они ничем не выделялись – жили себе в Африке, один вид среди многих, едва сводили концы с концами. Но за сорок пять тысяч лет до наших времен произошла некая перемена. Не в физическом облике – древние люди мало отличались от нас с тобой, – а в поведении, в образе мышления. Данное событие называют появлением «поведенчески современного человека». Эта революция происходила примерно в то самое время, когда лихие мореплаватели выдалбливали лодки, бороздили океанские просторы и высаживались на берегах Австралии. Крайне странное совпадение.

– Согласен, – кивнул Дезмонд.

– Что случилось потом, представляет собой величайшую историческую загадку. За период в пятнадцать тысяч лет все остальные виды человека вдруг вымирают – неандертальцы, денисовцы, флоресские «хоббиты». Некоторые из этих видов опережали нас в развитии, изго-

товляли орудия труда, научились пользоваться огнем, сообща охотились, ухаживали за больными и стариками. В Европе неандертальцы тысячами жили в холодном климате, и ничего. Наш вид – *Homo sapiens* – не так давно тоже пережил похолодание. Мы – новички, привыкшие к африканскому теплу, саваннам и степям, а не к лесам, горам и длинным европейским зимам. Тем не менее мы выжили, а они нет. Мы начали экспансию и постепенно взяли верх. Впервые после появления первобытных людей на Земле остался всего один вид человека – мы.

– Это и есть второй вопрос? Почему так случилось?

– Нет, это лишь половина вопроса. В то время как другие виды человека исчезли, прочие приматы выжили и здравствуют поныне. Шимпанзе, гориллы и бонобо по-прежнему населяют Землю. Но в чем причина? Почему мы выжили, а другие нет? Почему тогда выжили другие приматы? Вот в чем состоит загадка.

* * *

Коннер, сидя в припаркованном на Сэнд-Хилл-роуд фургоне, вел видеонаблюдение с помощью БПЛА. Части Национальной гвардии подтягивались все ближе.

– Вторая, третья и четвертая группы, – сказал он в рацию, – оставить машины и укрыться в лесу.

Сидящий на переднем сиденье Гойнс обернулся.

– Если они захватят наши фургоны, найдут снаряжение и боеприпасы.

Замечание было сделано по делу, Коннер об этом не подумал. Но и признаться в ошибке он не мог. Сверкнув на подчиненного глазами, Коннер сказал:

– Я не закончил, майор.

Он снова включил рацию.

– Примите все необходимые меры, чтобы скрыть груз в фургонах, и закройте дверцы.

– Долго еще? – бросил он доктору Парку.

– Долго до чего?

– До окончания воспоминания. Соберитесь, доктор!

– Я не...

– А вы подумайте!

Парк вздохнул:

– Минут пятнадцать, более или менее...

– Машину можно передвинуть?

Доктор Парк выпучил глаза. Это выражение Коннер уже видел.

– Раскиньте мозгами, доктор. Если мы переедем в другой квартал, в более уединенное место, что может случиться?

– Мне не от чего даже оттолкнуться, чтобы гадать.

– Доктор!

– Ну хорошо... Воспоминание может оборваться, либо пациент может превратиться в овощ. А может быть, ничего не случится, процесс просто будет идти дальше. Понятия не имею!

Гойнс смотрел на Коннера в ожидании указаний.

– Остаемся на месте, – буркнул Коннер. – Вы четверо, – он махнул в сторону наемников, – прикройте фургон на линии деревьев. Мы спрячем оборудование. Я и доктор остаемся с Дезмондом. – Он указал на пищущий монитор. – Можете заставить его замолчать?

Парк нажал кнопку. Писк прекратился.

Десять минут спустя Коннер, доктор и Дезмонд лежали в салоне фургона, прикрытые толстыми одеялами и пустыми коробками. Они постарались придать машине вид брошенного убежища.

Коннер слушал и ждал. Медленно тянулись минуты. Наконец на стоянке раздался рокот моторов «хаммеров». Хлопнули дверцы, по бетону застучали ботинки. Кто-то отдал приказ обыскать здание.

Шаги все ближе. Снаружи попробовали открыть дверцу водителя. Она была заперта.

Коннер сжал рукоять пистолета.

Глава 11

Глубоко во чреве «Бигля» Пейтон никак не могла заснуть. Она с детства не любила те моменты, когда пора было идти спать. Нередко лежала с открытыми глазами, ворочая в голове мысли, перебирая варианты действий, репетируя, что скажет или сделает в будущем.

Перевернувшись на другой бок, она поплотнее закуталась в холодное на ощупь одеяло. Пытаясь согреться, Пейтон, Лин, Найджел и рядовой Родригес лежали, прижавшись друг к другу, на полу под слоем одеял. Шлемы они сняли, чтобы не тратить кислород впустую.

Старшина Адамс сидел у входа с автоматической винтовкой на коленях. В свете видеомонитора резкие черты лица отбрасывали глубокие тени. Четыре камеры ночного видения, который Адамс расставил вокруг субмарины, не показывали никакого движения.

Рядом с Пейтон щелкнул выключатель светодиодной лампы. Она заметила, что мать пристально смотрит на нее.

– Ты должна выспаться, милая.

– Чья бы корова мычала...

– Пейтон!

– Ну хорошо.

Она прикрыла глаза, делая вид, что спит, как множество раз делала в детстве.

– Я раньше видела эту уловку.

Пейтон открыла глаза.

– Что за мысли не дают тебе покоя?

– О нападении.

Лин выдержала паузу.

– А еще?

Помедлив, Пейтон ответила:

– О Дезмонде.

– Мы его найдем.

– Откуда тебе знать.

– Я твердо верю. И тебе советую. Не оставляй надежды. Надежда – могучая сила, милая.

Некоторое время они молчали.

– Если его вынудят отдать «Rendition», что с ним сделают?

Лин отвернулась.

– Дезмонд очень много значит для Коннера. Он не поднимет руку на брата.

– Дезмонд его предал.

– Семья держится умением прощать.

Пейтон догадалась, что мать на самом деле имела в виду ее брата.

– Надеюсь, ты права...

Стон прокатился по подводной лодке, словно в океанской бездне взвыло чудовище.

Найджел вскочил, вращая глазами и быстро дыша.

– Что? Уже?

Родригес выскользнул из-под одеяла и схватил оружие.

Адамс, не отрываясь, смотрел на монитор.

Субмарина вздрогнула.

– Ракета? – спросил Найджел.

Дробный звук прокатился по судну, сначала медленно, потом все больше нарастая – словно внутри корпуса бежал табун из тысячи диких лошадей.

– Доложите обстановку, мистер Адамс, – спокойным тоном, словно осведомлялась о погоде, попросила Лин.

- В лодку поступает вода.
- Откуда?
- Непонятно. Догадываюсь, что через стыковочный шлюз.

Пейтон за секунду уяснила положение. Металлический треск означал, что от «Бигля» оторвали батискаф, пустив внутрь воду. Она вместе с матерью заdraила люки вокруг шлюза, дальше вода не прорвется, но это также значило, что их лишили единственного способа подняться на поверхность. Они окончательно попали в ловушку. Если никто не придет на помощь, их ожидала смерть от холода и голода, постигшая экипаж «Бигля» тридцать лет назад.

Лин не выказала и толики охватившего Пейтон страха.

– Что предлагаете с учетом изменений, старшина?

– Я сомневаюсь, что они сразу же пойдут в атаку, мэм. Им ясно, что мы слышали звук. Они захотят посеять панику, измотать нас.

– Согласна. – Лин повернулась к Найджелу и Пейтон: – Можно еще поспать. Скоро будет не до этого.

Найджел закатил глаза.

– Конечно! Что такого? Однако меня волнует один малюсенький нюансик – мы в западне! Или это не обсуждается?

– Нет, доктор Грин. Не обсуждается. Данную конкретную проблему мы будем решать, когда придет время.

– Прекрасно-прекрасно, – театрально закивал доктор, – хотя говоря от себя лично, я бы не прочь узнать в общих чертах, в чем заключается волшебное решение проблемы извлечения нас живыми из ледяной тюрьмы на дне океана. Ничего такого... просто так было бы легче уснуть.

Лин быстро глянула на Пейтон и сосредоточилась на Найджеле:

– Вам придется поверить мне на слово, доктор Грин. А после того, как мы выберемся отсюда, вам придется поверить мне еще не один раз. Так что привыкайте. – Лин залезла под одеяло и натянула его до подбородка. – А сейчас я ложусь спать, что и вам всем предлагаю.

На лице рядового Родригеса мелькнула лукавая ухмылка, он тоже нырнул под одеяло. Найджел неохотно последовал их примеру. Пейтон примостилась рядом с матерью.

Лин выключила светодиодную лампу. Несколько минут тишину ничего не нарушало. Эти минуты показались Пейтон часами. Тревогу вызывал каждый скрип и шорох. Всякий раз она напряженно прислушивалась – не началась ли атака.

Когда глаза привыкли к темноте, нарушаемой лишь слабым свечением монитора, Пейтон снова стала различать перед собой лицо матери. Лин лежала с открытыми глазами, на лице – выражение упрямой решимости.

– А ты о чем задумалась? – прошептала Пейтон, имитируя тон матери.

– Я не выдала бы свои мысли за все сокровища китайских императоров, – улыбнувшись, ответила Лин. – Но с тобой поделюсь задаром. Я думаю об Альтамире.

– О пещере с древними наскальными рисунками?

Лин кивнула.

– Ты считаешь, что доктор Краус что-то в ней для тебя спрятал?

– Возможно.

– Если... – Пейтон запнулась. – Когда мы выберемся отсюда, то отправимся туда?

– Нет. Не сразу.

– А куда сначала?

– В Оксфорд.

Мать Пейтон вела какие-то исследования в Оксфорде, когда их семья жила в Лондоне. В детстве Пейтон терпеть не могла те дни, когда мать отправлялась поездом в Оксфорд, уезжая

рано утром, когда она еще спала, и возвращаясь поздно вечером, когда Пейтон снова была в кровати. На следующее утро мать всегда выглядела уставшей.

– Почему? – поинтересовалась Пейтон.

– Из-за клятвы.

– Латинского изречения на фотографии? Что оно означает?

– Эту клятву приносили те, кто желал получить доступ в Бодлианскую библиотеку. Ее подписывали и произносили самые выдающиеся ученые и государственные деятели истории.

– Ты тоже?

– Да. Мне кажется, Краус что-то оставил там для меня. Он намекает, чтобы я начала поиски с этого места.

Найджел сел и воскликнул, не пытаясь умерить тон:

– Вы что, серьезно?!

– В чем дело, доктор Грин? – холодно спросила Лин.

– Это все равно, что искать иголку в стогу сена. Я сам выпускник Оксфорда. В Бодлейке миллионы томов!

– Я знаю, что искать, доктор Грин.

– И что же?

– Расскажу, когда прибудем на место. А сейчас действительно пора спать.

* * *

В погружаемом аппарате «Ледяная жатва» капитан второго ранга Ферст открыл глаза и отключил звонок будильника. Два уцелевших члена экипажа тоже поднялись. Настало время действовать.

Они очистили пол и расстелили на нем переданную Юрием Пашенко схему «Бигля». Отцепив батискаф от субмарины, они обследовали периметр судна, пометив проломы в корпусе и закрасив синим отсеки, заполненные водой.

Лабораторный комплекс находился в центре средней палубы. Для «Китиона» этот участок был дороже других – он был окружен дополнительными переборками и снабжен автономными компрессором и энергоустановкой. Можно было не гадать – Шоу укрылась именно в этом отсеке. Его можно было оборонять, однако у Ферста имелись все необходимые средства для преодоления любых неожиданностей. По правде говоря, Лин и Пейтон Шоу некуда было деваться. Их уничтожение либо захват в плен не более чем вопрос времени.

Ферст указал на соседний отсек на расстоянии около двадцати метров от лаборатории.

– Точка входа здесь. Готовьте мобильные аппараты.

Один из членов экипажа снял с полки мобильного робота и клейкой лентой осторожно, чтобы не закрыть объектив камеры, прикрутил к его поверхности портативную рацию. Он повторил операцию со вторым МА и взял со столика свою рацию.

– Проверка связи.

Второй подчиненный проверил плазменный резак, затем переключил внимание на приборы управления судном. Погружаемый аппарат подплыл к субмарине и завис над ней.стыковочная труба выдвинулась и с громким щелчком магнитного замка прилепилась к корпусу подводной лодки. Насосы откачали воду из трубы, член экипажа надел шлем. Ожидая указаний, он обернулся к Ферсту, который в ожидании потока ледяного воздуха тоже нахлобучил шлем.

Капитан второго ранга кивнул:

– Действуйте, старшина.

Моряк открыл люк, подполз к корпусу и зажег резак.

Ждать осталось недолго.

* * *

Раздался звук, напоминающий звон гонга. Пейтон сидя приподнялась.

Адамс был уже на ногах, Родригес тоже.

– Какого...

– Пошли на прорыв, – произнес Адамс. – Приготовьтесь.

* * *

На борту «Ледяной жатвы» Ферст наблюдал за расходящимися в стороны мобильными аппаратами. Каждым из них управлял отдельный член экипажа, наблюдая за их продвижением через камеры ночного видения. Зеленоватые картинки коридоров субмарины напоминали кадры затонувшего судна из документального фильма.

– Там что-то есть.

На левом экране Ферст увидел препятствие – похоже, натянутое поперек прохода одеяло.

– Приподними край манипулятором и загляни на ту сторону, не переходя черту.

Одеяло на экране приподнялось, за ним открылась ярко-белая пелена.

Старшина выключил ночное видение.

Вглубь уходили четыре ряда коек по три в каждом ряду. Трупы были свалены у стен, одеяла отсутствовали. По полу разбросана дюжина круглых светодиодных ламп размером с хоккейную шайбу, несколько таких же ламп лежали на койках.

– Уберите одеяла, – скомандовал Ферст, – и продолжайте движение.

Он посмотрел на заготовленные для атаки баллоны с дымом и слезоточивым газом. В план придется внести небольшую поправку.

– Растяжка! – воскликнул второй оператор. – Самодельная.

МА на экране выдвинул манипулятор.

– Без заряда.

– Обрезать!

Вторая растяжка оказалась с зарядом – она была подсоединена к пакету С4. Умный ход – взрывчатка была заложена подальше от корпуса, в глубине судна.

Ферст сделал пометку на схеме.

За час мобильные аппараты обыскали все доступные коридоры и притаились у задраенных люков. До лабораторного комплекса оставалось рукой подать.

* * *

Старшина Адамс пристально смотрел на экран.

– У них есть мобильный аппарат!

Он прищурился.

– Они что-то прикрепили сверху. Возможно, взрывчатку.

– Они ищут нас? – спросила Пейтон.

– Да, мэм, – ответил Адамс, – и обезвреживают наши ловушки.

– Можно уничтожить МА, – предложил Родригес.

– Слишком рискованно, – заметил Адамс, не отрываясь от экрана. – Не исключено, что они пытаются нас выманить.

– Выманить? – с опаской переспросил Найджел.

– Возможно, притаились за мобильным аппаратом, ждут момента, чтобы начать атаку.

Пейтон в который раз поразила хладнокровию Адамса в напряженной обстановке. Старшина взгляделся в экран.

- Так. Мобильных аппаратов не один, а два.
- Наши действия? – спросила Лин.
- Подождем пока.

* * *

Ферст со своими людьми осторожно расставили в коридорах собственные растяжки, стараясь не задеть чужие. Они почти приготовились к бою.

* * *

Всеобщее внимание привлек скрежет металла о металл. Адамс развернул монитор, чтобы все могли видеть экран. По коридору, в котором находился один из МА, покатился, распространяя дым, круглый контейнер.

- Слезоточивый газ, – пробормотал Адамс.

Такой же баллон вбросили в проход со вторым МА. Затем по обоим коридорам покатались два контейнера, изрыгающие густой дым. Коридор исчез с экрана, доносилось лишь легкое шипение.

- Пытаются отрезать нам пути отхода, – заметил Адамс.
- Похоже, у них неплохо получается, – фыркнул Найджел.
- Лин бросила на него взгляд-пощечину. Ученый примолк.
- Мистер Адамс?
- Мы можем выждать, принять бой на месте.
- Или?
- Или выйти наружу и вступить в бой в такой момент и в таком месте, где нам выгоднее.
- А потом?

Адамс покачал головой:

- У нас только один вариант выбраться с подлодки и подняться на поверхность.
- Их погружаемый аппарат?
- Так точно, мэм.
- Вы что предлагаете? – забеспокоилась Пейтон.

– Я и Родригес втянем их в бой. Вы трое ступайте другим путем, найдите их судно и уходите.

Вся группа замолчала.

– Иного пути нет, – сказал Адамс. – Сейчас они взорвут люк или оба люка. Забросят сюда баллоны со слезоточивым газом и дымом, затянут петлю у нас на шее. Кислорода осталось на несколько часов – при условии, что костюм не пробьют пули. Время нам не союзник. Пора уходить.

– Уходить тоже опасно, – сказала Лин. – Не исключено, что они установили свои собственные растяжки.

Адамс согласно кивнул.

– Даже если вы с рядовым Родригесом нейтрализуете противника, нам будет трудно выбраться наружу. Нужен четкий маршрут. Есть еще один вариант, который все упустили из виду.

Адамс вскинул брови.

- Предмет, прикрепленный к мобильному аппарату.
- Я полагаю, это взрывчатка для вскрытия люка.

– Разумное допущение, хотя и маловероятное. Наш противник вряд ли готов жертвовать мобильными аппаратами, они нужны для осмотра помещения по ту сторону люков.

– Тогда что это?

– Рация.

Пейтон не улавливала ход мысли матери.

– Есть еще один выход – один для всех. Однако он связан с риском для жизни – моей и Пейтон.

Лин оглянулась на дочь в поисках поддержки.

Адамс покачал головой – замысел явно пришелся ему не по нутру.

– Не годится, мэм. Наша главная задача...

– Я согласна, – перебила его Пейтон. – Не хочу больше обрекать людей на верную смерть.

* * *

Пейтон шла за матерью по проходу. Лучи ламп на шлемах резали темноту на узкие полосы. Адамс воспринял идею в штыки, но вскоре понял, что Лин Шоу, если она что-то решила, невозможно переспорить.

– Много лет назад в Рио-де-Жанейро меня и Юрия похитили, – сказала Лин по рации. – Нас избили и потребовали выкуп. Твой отец пришел один, и через пять минут мы вышли оттуда все вместе – без единого выстрела. Он проявил в ту ночь невероятную отвагу. – Лин сделала паузу. – Я по-прежнему думаю, что Юрий не нашел в себе силы покончить с твоим отцом в ту ночь, когда была потоплена «Бигль». Он подослал к нему убийц, но когда отцу удалось бежать, Юрий не стал его преследовать. Видимо, вспомнил, чем ему обязан.

Пейтон уже читала эту историю в рукописи, оставленной отцом для нее с Дезмондом, однако не стала перебивать. У нее возникло ощущение, что матери захотелось в чем-то исповедаться.

– После происшествия в Рио отец настоял, чтобы любой человек, покидающий борт субмарины, имел при себе определенные средства личной защиты. – Лин остановилась перед кладовой и раздвинула замерзшие двери. – Вот они! Они спасут жизнь и нам, и остальным членам нашей команды. Обращаться с ними следует крайне осторожно, Пейтон. Если проявишь беспечность, заплатишь своей собственной жизнью.

* * *

Пейтон сидела, прислонившись спиной к стене и сняв шлем, сомневаясь в душе в справедливости слов матери, гадая, хватит ли ей решимости сыграть свою роль в их спасении. Никогда в жизни она так не нервничала. Предстояла смертельная схватка. Ее мучило от тошноты, но Пейтон напускала на себя браваду – ради Дезмонда, ради матери, ради трех членов группы, которые на нее рассчитывали.

Тишину нарушил загробный голос из прикрепленной к мобильному аппарату рации. Звук уловили обе камеры, установленные у люков.

– Доктор Лин Шоу. Доктор Пейтон Шоу. Мы не собираемся причинять вам вред. На борту ледокола произошло недоразумение. Я не знаю, что такого сказали или сделали мои люди, чтобы вызвать столь враждебную реакцию. Я сожалею о ненужных потерях.

Говорящий немного подождал.

– Уверяю вас, мы никому не желаем зла. Если бы мы хотели вас уничтожить, мы бы просто бросили вас одних. Мы прибыли сюда, потому что не хотим, чтобы вы пострадали. Таков приказ, который я получил. Таковы указания Юрия и Дезмонда.

Пейтон и Лин переглянулись. Лин молча покачала головой.

– К Дезмонду вернулась память. Теперь он знает истинное положение дел. Пейтон, он отправил нас за вами и вашей матерью. Он очень обеспокоен. Весь мир скоро будет другим.

Мысли Пейтон лихорадочно бегали. А что, если это правда?

– Наш противник неплохо владеет искусством дезинформации, – заметила Лин. Она прочитала мысли дочери, как открытую книгу.

– Если с вами есть другие, мы их тоже возьмем с собой. Но сначала вы двое должны выйти к нам на палубу, где находится кают-компания. Приходите одни, без оружия. Нам известен маршрут, каким вы будете идти. У нас есть камеры и мобильные аппараты. Мы проследим за вами. Не отклоняйтесь с маршрута. Если с вами пойдет кто-нибудь еще, они подорвутся.

Еще один перерыв.

– Даем вам пять минут, чтобы выйти на палубу с кают-компанией. Если вы не придете, мы сами за вами придем. Прошу вас, сделайте разумный выбор, и тогда никто не пострадает.

Лин стояла, прижимая шлем к бедру, словно астронавт перед высадкой на незнакомую планету.

– Пора, Пейтон.

Та поднялась, едва чувствуя свое тело. Ее трясло.

Лин положила ладони на плечи дочери.

– Не торопись. Сосредоточься. Не забивай мыслями голову. Сделав шаг, просто делай новый.

Мать надела шлем на Пейтон, затем надела свой.

Пейтон постаралась замедлить дыхание. Звук в шлеме был громким.

– Сосредоточься на моем голосе.

Лин коснулась головой в шлеме шлема дочери.

– Ты сможешь!

Глава 12

Пандемия Х1 жестоко обошлась с экипажем корабля ВМС США «Карл Винсон». Пяти-тысячная команда авианосца потеряла почти тысячу человек. Оставшиеся в живых горели жаждой мести.

Они несколько недель прочесывали Тихий океан, пытаясь обнаружить базу «Китиона». Круглые сутки взлетали и садились самолеты; по мере нанесения результатов на карту, сеть поиска сужалась.

В небольшой отдельной каюте в трюме корабля Эйвери Прайс собирала винтовку. Посмотрев на дело рук своих, девушка вновь включила секундомер и принялась разбирать оружие. Упражнение напомнило ей занятия в Северной Виргинии. Четкие, монотонные действия заменяли медитацию.

В свободные от вахты часы другие члены экипажа качали мышцы, смотрели фильмы на ноутбуках, писали письма домой, играли в видеоигры или, несмотря на запреты, предавались плотским утехам. Эйвери ничем подобным не занималась. Она часто думала о Дезмонде, невольно мысленно представляя себе, как его пытаются. Еще чаще пыталась представить, как много он смог вспомнить. Эйвери страстно желала, чтобы Дезмонда нашел именно «Карл Винсон». Ее и Дезмонда связывали кое-какие незаконченные дела, должок к его похитителям тоже имелся. Дезмонд принес себя в жертву, спас ее, отдав свою жизнь в чужие руки. Эйвер не любила чувствовать себя в долгу. Но дело было не только в этом. Далеко не только в этом.

* * *

Часы на стене показывали почти два пополудни, когда из динамика на потолке заревел сигнал тревоги и раздался голос вахтенного офицера:

– Боевая тревога! Боевая тревога! Все по местам!

«Ага! – подумала Эйвери. – Нашли “Китион”».

Через минуту она явилась на мостик. Офицеры-связисты сустились, старпом отрывисто выкрикивал приказания по корабельной системе радиооповещения.

Командир корабля Барроу взирал на окружающую его суматоху с глубокой задумчивостью.

– Поставьте меня командовать ударной группой, – предложила Эйвери. – Медик разрешил мне вернуться в строй, – соврала она.

– Что?

– Я первой ступлю на берег.

– Прайс, мы еще никого не нашли. Связь отрубилась. – Барроу повернулся к старпому. – Измените курс.

Перемена курса?

– Куда мы направляемся?

– В пункт сбора. Таков наш приказ на случай повсеместного отказа средств связи. А теперь уходите с мостика, Прайс.

– Вы полагаете, на нас напали?

Барроу явно терял терпение.

– Да! В систему связи проник вирус. – Командир корабля прищурился. – Погодите-ка. В вашем досье сказано, что вы раньше занимались программированием. Отправляю вас...

Эйвери поняла смысл происходящего и то, на кого реально совершалось нападение. Требовалось срочно предупредить Лин и Пейтон Шоу.

– Мне нужны вертолет и опергруппа.

Барроу рассмеялся:

– Идите отсюда. Повторять не буду.

– Послушайте, капитан. Отключение интернета и глобальной связи – часть замысла «Китиона».

– Кто бы сомневался. – Командир кивнул высокому мускулистому матросу, стоящему по стойке «смирно» у люка. – Проследите, чтобы мисс Прайс вернулась в свою каюту.

– Капитан!

Матрос схватил ее за руку. Эйвери перехватила его ладонь и отвела большой палец матроса в сторону – тот скривился от боли.

– Вы совершаете ошибку, – спокойным тоном произнесла она. – Дайте мне десять секунд, и я все разьясню, сэр. Я могу сообщить вам важные сведения.

Барроу отрывисто кивнул матросу. Тот отпустил руку девушки.

– Наша операция у «Рубикона» не единственная. Есть еще одна, в районе Северного полярного круга, она проводится совместно с русскими. Скорее всего, напали на них. Надо направить туда отряд, проверить.

– Я подчиняюсь приказам, мисс Прайс. И воспринимаю их как должное. Любое судно, любой авианосец могут понадобиться для обороны Соединенных Штатов.

Командир подал знак матросу.

– До дальнейших распоряжений не выпускайте ее из каюты.

Глава 13

Лин, не принимая возражений, заявила, что пойдет в шести метрах впереди остальных. Луч света со шлема Пейтон вырезал из темноты худую фигуру матери. Доктор прекрасно поняла ее план – Лин хотела прикрыть дочь своим телом. Мать намеренно шла навстречу опасности первой на случай, если по дороге попадутся мины-ловушки.

Спокойный голос Лин раздался в шлеме Пейтон:

– Стой на месте.

– В чем дело?

– Я у люка.

Лин хмыкнула. Скрежет металла о металл отражался эхом в темном коридоре, словно кто-то пытался проникнуть в древнее подземелье.

В проходе клубились слезоточивый газ и дым. Постепенно завеса рассеялась, сбившись ближе к полу, как прокладка из тумана.

– Идем дальше, – скомандовала Лин.

Пейтон, шагая сквозь дымную муть, пыталась успокоить нервы. Каждый шаг мог стать последним.

– Вижу мобильный аппарат, – прошептала Лин. – Подойди ближе, пусть нас увидят вместе.

Пейтон свернула за угол, мать стояла по колени в дыму, луч ее фонаря, пронизывая марево, упирался в мобильный аппарат. Пейтон подошла и остановилась рядом. МА развернулся на одной гусенице, как игрушечный танк, объехал вокруг них и остановился у люка. Машина отслеживала, не появится ли за парой женщин кто-нибудь еще.

Лин шагнула вперед. Пейтон последовала за ней с колотящимся сердцем. По лбу прямо в глаза спустилась струйка пота.

Дым впереди рассеивался.

Появился прилепленный к переборке клочок бумаги с надписью: «Снимите шлемы».

Лин первой сняла свой, два луча погасли.

Пейтон поднесла руку в перчатке к застежке шлема. Наступал самый рискованный этап операции. Если они снимут шлемы, противник сможет использовать слезоточивый газ или обезвредить их сотней других способов.

Теперь уже поздно. Дорога назад отрезана.

Пейтон отстегнула шлем и стащила его с головы. Ледяной воздух ударил в лицо, проник внутрь костюма, запах – кислый, с примесью пороховых газов.

Две женщины молча замерли в темноте. Впереди раздались шаги. Потом сзади. Двое или трое. Если трое, им придется туго. Пейтон с матерью рассчитывали встретить двоих. С тремя они не справятся.

Словно поезд из туннеля, возник узкий луч света.

Свет на мгновение ослепил Пейтон. Когда глаза привыкли, она различила две фигуры.

– Дамы, снимите костюмы, – произнес все тот же суровый голос, который Пейтон слышала по рации.

– Здесь слишком холодно, – бесстрастно ответила Лин.

– В таком случае поторопитесь.

Лин поколебалась, взглянула на Пейтон и начала снимать костюм.

Наступил момент истины.

Пейтон дрожащими руками сняла с себя громоздкое снаряжение. Опустив костюм на пол, она осталась в ботинках и зимнем обмундировании поверх утепленного нижнего белья. Пистолет был спрятан за поясом под толстым слоем одежды. Пейтон казалась себе голой, словно

противник мог видеть оружие сквозь ее тело. Пистолет, спрятанный под одеждой Лин, выделялся еще более заметно.

Говорящий перешел на игривый тон:

– А вы не столь стройны, как я ожидал. – Легкость тона немедленно испарилась. – Если вы протянете руки к пистолетам, мы откроем огонь. Больше предупреждать не буду.

Наступило молчание. Никто не двигался с места.

– Поднимите и вытяните перед собой руки. Лин, повернитесь лицом назад и задом двигайтесь ко мне. Пейтон, оставайтесь на месте. Не двигайтесь.

Рука схватила Пейтон за корпус под грудью, залезла под рубашку и выдернула пистолет вместе с кобурой. Оружие, звякнув, упало на пол.

Второй человек подошел к Лин сзади и забрал ее пистолет.

Выходит, их трое. Двое, кто разоружил их, и еще тот, с загробным голосом, что держит фонарик.

Человек за спиной Пейтон провел руками от ее груди до пояса. Точно так же обыскали Лин.

Пожилая женщина вступила в действие первой. Она развернулась, схватила противника за шею и сжала ее.

Ужас, как молния, ударил в Пейтон. И сразу возобладал инстинкт самосохранения. Она нажала большим пальцем на кольцо, надетое на указательный палец, обнажив спрятанные в нем три иглы. Взмах, и кольцо чиркнуло по шее противника, прямо по сонной артерии.

Второй боец у нее за спиной захрипел под воздействием парализующего яда в кольце Лин.

Мужчина, державший Пейтон, ослабил хватку и рухнул на колени. В призрачном свете вспыхнули налитые злобой глаза.

– Ах ты, с-с...

Изо рта бойца пошла пена, он упал ничком на пол.

Пейтон еще раз нажала кнопку на кольце и стащила его с пальца. Оно звякнуло об пол. Хотя устройство было одноразовым, ей не хотелось испытывать судьбу и заразиться остатками яда.

Позади бешено запрыгал луч света, словно они попали на дискотеку. Лин вскрикнула.

Пейтон обернулась. Во вспышках света она различила, что тот, кто обыскивал Лин, неподвижно лежал на полу, но человек с фонариком, пытался схватить ее за руки. Он взмахнул фонариком, ударив Лин по лицу. Мать Пейтон издала отрывистый крик, от которого у Пейтон застыла кровь в жилах, и упала на пол, отчаянно пытаясь дотянуться до пистолета. Нападавший прижал ее к полу своим телом, пытаясь поймать ее руки.

– Пейтон! – яростно крикнула Лин, разбрызгивая кровь. – Пейтон, умоляю!

Мужчина надавил локтями на грудь Лин и сжал руки на горле женщины.

Пейтон, пошатываясь, сделала шаг вперед. Пистолет Лин в кобуре лежал у нее под ногами. Она нагнулась, достала оружие... оно прыгало в непослушных руках.

Глаза Лин вылезали из орбит.

– Отпусти ее! – Голос Пейтон дрожал так же, как ее руки.

Мужчина даже не поднял головы.

– Не горячитесь, доктор.

Руки Лин упали, как плети.

– Бросьте оружие, и тогда никто не пострадает.

Лин смотрела на дочь с мольбой во взгляде. Ей оставалось жить не более нескольких секунд.

Пейтон для уверенности обхватила рукоятку пистолета второй рукой.

И нажала на спуск.

Глава 14

Внимание Дезмонда привлек скрип каблучков на полу библиотеки. К нему неторопливо приближалась Дженнифер в узком темно-синем платье и белой блузке с широким вырезом на груди. С плеч свисала песочного цвета вязаная кофта, поверх воротника спускались рыжие волосы.

Девушка остановилась у длинного стола перед трехэтажным окном и опустила перед Дезмондом небольшой пакет в подарочной обертке.

Он приподнял брови.

– Небольшой подарок к Рождеству, – смущенно пожав плечами, сказала Дженнифер.

– Я... – Дезмонд совершенно потерял счет времени, до него только сейчас дошло, что наступило Рождество.

– Открой его, Дез.

Он пододвинул к себе пакет и улыбнулся, увидев, что он завернут в бумагу, покрытую экранными снимками и логотипами телесериала «Шпионка».

– Надеюсь, тебе понравилась самодельная оберточная бумага.

– Понравилась. И сериал мне нравится. – Он развернул бумагу и достал три книги Филипа Пулмана в бумажных обложках – «Северное сияние», «Чудесный нож» и «Янтарный телескоп». Все вместе они составляли трилогию под названием «Темные начала».

– Я прикинула – нельзя же читать в библиотеке круглыми сутками одну научную литературу. Тебе надо отвлечься.

Она была права. Дезмонд повертел в руках книги, разглядывая обложки, поднял взгляд на секретаршу.

– У меня ничего нет...

– Мне ничего и не нужно.

Дезмонд еще раз посмотрел на книги.

– И вовсе не обязательно завтракать, обедать и ужинать только в библиотеке, – добавила она. – Тебе не мешало бы проветриться.

Тоже верно. Однако Дезмонд понимал – добром для девушки это не кончится. Он представил себя и Дженнифер сидящими в уютном ресторанчике, в раскованной атмосфере, где позволительно одеваться во что попало, сидеть и болтать сколько угодно. Они бы говорили о подаренных книгах, о своих корнях, а он бы тщательно обходил стороной правдивый ответ на вопрос, почему он уехал из Оклахомы в Калифорнию. Дальше – больше. И, как в случае с Пейтон, их отношения однажды уткнутся в глухую стену. Дженнифер будет страдать, как страдала Пейтон. Дезмонд чувствовал себя одиноким и нуждался в компании, но не хотел причинять боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.